

СМЕНА

Иванов

14
1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Один

Темп марша. Энергично, с подъемом.

Эй, гляди ве-се-лей, - со-брались мы на встре-чу дру-
 -зей! Тех, кто верит в светлую долю, тех, кто верит в сильную волю! Мы борьбой и трудом солнце радости заж-
 -жем. Против черного ветра силой несметной мы, друзья, идем. Солн-це над на-ми, о-
 -но го-рит для нас. Здесь мы с друзьями проби-л радост-ный час. Сме-лы-е люди со-би-
 -ра-ют-ся к нам. Счаст-ли-вы бу-дем мы на го-ре вра-гам. Э-то // там. Э-то // там.

Музыка С. Туликова. Слова Л. Ошанина.

ЭТО МЫ — МОЛОДЕЖЬ

(Фестивальный марш)

Эй, гляди веселей,
 Собрались мы на встречу друзей —
 Тех, кто верит в светлую долю,
 Тех, кто верит в сильную волю!
 Мы борьбой и трудом
 Солнце радости зажжем.
 Против черного ветра
 Силой несметной
 Мы, друзья, идем.

ПРИПЕВ:
 Солнце над нами,
 Оно горит для нас.
 Здесь мы с друзьями —
 Пробыл радостный час.
 Смелые люди
 Собираются к нам.
 Счастливы будем
 Мы на горе врагам!

Это мы — молодежь,
 Сколько нас на земле — не сочтешь!
 Столько звезд в небесном просторе,
 Столько капель в пенистом море!
 Это мы — молодежь,
 наших рук не разорвешь.
 Если в счастье ты веришь,
 В дружбу ты веришь,
 С нами ты пойдешь!

ПРИПЕВ:
 Солнце над нами,
 Оно горит для нас.
 Здесь мы с друзьями —
 Пробыл радостный час.
 Смелые люди
 Собираются к нам.
 Счастливы будем
 Мы на горе врагам!

31 июля в Варшаве будет поднят флаг Пятого Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Праздник юности мира пройдет под лозунгом «За мир и дружбу!».

Вдохновенно готовились к фестивалю юноши и девушки нашей страны. Молодые посланцы Советского Союза приедут в Варшаву с богатой, красочной программой выступлений, они расскажут зарубежным друзьям о яркой, радостной жизни советской молодежи.

Дружеские встречи и задушевные беседы участников фестиваля помогут молодым представителям различных стран еще теснее сплотить ряды в священной и великой борьбе за мир, за счастье человечества.

На снимке: группа советской молодежи перед отъездом на фестиваль.
Фото В. Тюнеля.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июль. № 14. 1955 год.

Год
издания
32-й.

ВАРШАВА- ГОРОД ФЕСТИВАЛЯ

Владислав КУЛИЦКИЙ,
польский журналист

Время, которое отделяет нас от той минуты, когда на Центральном стадионе в Варшаве впервые прозвучат фанфары фестиваля, исчисляется уже днями. Скоро польская молодежь будет приветствовать в своей столице представителей молодого поколения всех континентов. Они придут сюда, чтобы продемонстрировать свою волю к защите мира и показать, что слова «мир и дружба», не знающие границ и барьеров, близки всем честным людям земного шара. Уже отправился в путь делегации с разных концов земли, уже начались в странах Европы традиционная фестивальная эстафета.

Варшава. Это слово сегодня на устах миллионов молодых людей всего мира. Во вновь отстроенной Варшаве, городе, который гитлеровские варвары хотели стереть с лица земли, в дни фестиваля прозвучат слова, прославляющие жизнь и гневно осуждающие войну. Улицы, площади и парки нашей столицы заполнят юноши и девушки, говорящие на разных языках. Около пятнадцати тысяч молодых людей из стран Запада, четыре тысячи из колониальных стран, девять тысяч из СССР и стран народной демократии, тысячи из Юни-

он Америки встретятся со столетидесятилетним отрядом польской молодежи.

«Мир и дружба» — эти прекрасные слова, являющиеся лозунгом фестиваля, выражают его глубоко гуманистическую сущность. Идея фестиваля — расширение связей между молодежью разных народов, укрепление дружбы и единства в борьбе за мир.

Молодые варшавляне переживают сейчас особенно ответственные дни. Ведь надо приготовить столицу к встрече делегатов, приложить все усилия к тому, чтобы город выглядел торжественно и радостно. День открытия фестиваля Варшава встретит в праздничном убранстве.* Молодежь озеленяет улицы, украшает город флагами и плакатами. Уже подготовлены многочисленные фототворцы, показывающие, как выглядели различные районы Варшавы в 1945 году. Составление этих фотографий с нынешним обликом столицы позволит зарубежным гостям лучше оценить размах нашего строительства и величие наших достижений.

Посмотрим на план Варшавы: мост Понятовского — Центральный парк культуры — Дворец культуры и науки имени Сталина — Саксонский парк — Силезско-Дембровский мост — стадион фестиваля. В этом центральном районе столицы будут проходить основные мероприятия фестиваля. Шестнадцать танцевальных площадок, четырнадцать кинотеатров под открытым небом, большой увеселительный городок, три цирка откроются здесь.

...Высоко в небо устремляется шпиль Дворца культуры и науки — символа братской дружбы между польским и советским народами. Ближе к вечеру, когда советские строители передадут этот прекрасный дар жителям Варшавы. Зеленя двадцати тысяч многолетних дубов, лип, ясеней обрамляет белокаменные стены Дворца, в залах которого будут проходить многие мероприятия фестиваля. Именно отсюда, от стен Дворца культуры и науки, начнется шестидесяти делегаций к Центральному стадиону, где состоится торжественное открытие фестиваля.

Еще год тому назад на месте стадиона был пустырь, заросший бурьяном.

2 августа 1954 года было принято решение о строительстве стадиона фестиваля. На пустыре сразу же появились экскаваторы и бульдозеры.

Варшавяне полюбили стройку. Молодежь, спортсмены, все население столицы добровольно принимали участие в создании стадиона. Ежедневно около тысячи варшавян — мужчин и женщин — брались за кирки и лопаты.

Был период, когда на стройке ощущался недостаток в камешках и штукатуре. Едва об этом стало известно, как на стройку начали стекаться добровольцы, которые выразили готовность в свободное от работы время безвозмездно помогать строителям. Добровольцев было так много, что для всех желающих не хватало работы.

Энтузиазм строителей дал замечательные результаты. За невидимо короткий срок — меньше года — сдан в эксплуатацию один из крупнейших в Европе стадионов.

Польская молодежь гордится этим великолепным сооружением. На зеленое поле стадиона в день открытия фестиваля опущены на голубых парашютах флаги государств, молодежи которых участвует в этой великой встрече.

Не легкое это дело — разместить огромное число гостей, создать им все условия для работы и отдыха. Две тысячи автомобилей и автобусов составят специальную транспортную колонну фестиваля. Все вершащие гостиницы, общепит, интернаты распахнут двери для зарубежных делегаций.

А постояльцы? Пошли! Ведь их будет 150 тысяч! О них тоже позаботимся: на широких лугах в районах Ракоца, Грохувя и Белая юге построены специальные домики и палатки.

Между шатрами домиков и палаток протянутся аллеи, обрамленные газонами и клубами. Кроме жилых помещений, в каждом городке имеются кухни, столовые, комнаты отдыха. Установлены киоски, в которых будут продаваться газеты, произведения искусства и промышленные товары, сувениры.

Городки ждут своих постояльцев. А тем временем наши молодые рабочие, крестьяне, школьники и студенты соревнуются, борясь за выполнение обязательств, взятых в честь фестиваля. Дать стране продукцию сверх плана, снизить себестоимость, шире разарзнить даже новаторы — вот задачи, которые ставят перед собой рабочая молодежь. Молодые крестьяне осушают болота, орошают и ремонтируют дороги, поднимают залежные земли. Студенты стремятся достичь лучших показателей в учебе.

Молодежь столицы готовится принять шествия над различными зарубежными делегациями. Так, например, студенты Медицинской академии будут шествовать над своими швейцарскими друзьями, юноши и девушки фабрики имени 22 июля — над американской молодежью. Сотрудники издательства «Челюскин» собираются шествовать над посланцами Коста-Рики, а студенты Театральной школы — над делегацией Ирландии. Будущие швейцы сейчас знакомятся с литературой и искусством этих стран, изучают жизнь молодежи за рубежом.

Интересной и разнообразной будет наша художественная программа на фестивале. Перед гостями выступят десятки ансамблей десяти лучших польских коллективов художественной самодеятельности, насчитывающих четырнадцать тысяч участников. Кроме них, выступят коллективы «Шлязск», «Мазовше», Войска Польского и «Кожинью». Тысяча пятсот юношей и девушек под руководством Янны Мажевской подготовили большое выступление на новом стадионе в день открытия фестиваля.

Наши коллективы будут участвовать в дружеском соревновании с коллективами Советского Союза и стран народной демократии, ознакомятся с культурой других народов, участвующих в конкурсе художественных коллективов.

Официальное открытие Пятого Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Варшаве назначено на 31 июля. Однако фестиваль начался значительно раньше и уже идет на всем зномом шаре.

На улице Грушецкой в недавно выстроенном здании помещается Международный подготовительный комитет Пятого Всемирного фестиваля.

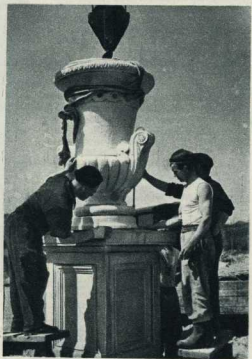
Тут можно встретить молодежь людей почти из всех стран мира. Вот заловый француз о чем-то спорит со светловолосой американкой, стройный датчанин прощается по коридору со смуглой девушкой из Малайи. Китайский юноша беседует с представителем советской молодежи.

Уже четыре месяца в штабе фестиваля кипит напряженная работа. В этот дом поступают ежедневно десятки тысяч писем и теле-

грамм. Не прекращается поток сообщений о подготовке к фестивалю, о чужестранных и взаимопонимания, объединяющих молодежь разных стран. Бывают и печальные вести: в Западной Германии арестованы и заключены в тюрьму видные деятели молодежного движения — Юпп Ангенборг и Вольфганг Эшерф; в Буэнос-Айресе полиция арестовала двух членов Аргентинского подготовительного комитета — Фортунато Пелюсини и Якобо Тотат. Колониальные власти в Южной Африке, на Золотом Берегу, в Того всеми способами стараются помешать попылке делегаций на фестиваль в Варшаву.

Попытаемся мысленно опередить события и представить себе тот день, когда впервые зазвучат фанфары фестиваля...

31 июля 1955 года. С самого утра на улицах нарядной Варшавы слышится веселые песни,

Польская молодежь украшает свою столицу.

многоязычный говор. В парках, на магистралях и площадях мелькают красные одежды, гремит музыка. К двенадцати часам делегации выстраиваются возле Дворца культуры и науки. И вот уже по улицам, ведущим к Центральному стадиону, движутся величественные колонны молодежи. Над шествием колыхаются разноцветные ленты, флажки цветов. Музыка и звонок голоса сливаются в одну могучую песню, песню молодости и радости...

Во время фестиваля будет организовано огромное количество концертов, интересных встреч и конкурсов. День 4 августа завершит праздник Дружбы с участием свыше ста тысяч делегатов из жителей Варшавы.

День 6 августа совпадает в этом году с десятилетием годовщины атомной бомбардировки Хиросимы. В этот день будет проведен массовая встреча молодежи с делегацией Янони. Молодежь еще раз продемонстрирует свою волю к миру, потребует запрещения оружия массового уничтожения.

В дни фестиваля состоятся дружеские встречи посанцев колониальных стран с делегатами Великобритании, Франции и Голландии. В молодежном лагере вспыхнет громадный костер — символ братства и солидарности юношей и девушек, борющихся против колониальной экспансии.

Специальные мероприятия будут организованы для студентов. Планируется костюмированный бал, международная демонстрация мод и просмотро национальных костюмов. Интересным событием явится выбор «королевы мира и дружбы».

Новые дружеские связи представители молодежи закрепят символическим актом — посадкой деревьев на Аллее дружбы в Перке

Школьники Варшавы знакомятся с жизнью стран, представители которых приедут на фестиваль. На снимке: ученики 6-го класса 83-ей школы имени национального героя Мексики Бенито Хуареса в географическом кабинете.

культуры и совместной работой на строительстве одного из домов в Варшаве.

Во время фестиваля будет отмечаться также десятилетие Всемирной федерации демократической молодежи. В честь этой даты устраивается большое торжество.

Трудно даже переписать все богатство мероприятий, предусмотренных программой Пятого Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Каждая делегация внесет свой вклад в молодежное празднество. В концертных и спортивных выступлениях полно и ярко проявятся богатство фантазии, мастерство и оптимизм молодых людей, борющихся за мир и счастье.

Когда закончится фестиваль, молодежь поведет в свои страны его идеи, которые так хорошо выразила известная мексиканская киноактриса, героиня фильма «Соль жизни, Роосура Ревальвас:

«Фестиваль — это прекрасный акт, как везет в свои страны его идеи, которые так хорошо выразила известная мексиканская киноактриса, героиня фильма «Соль жизни, Роосура Ревальвас: Фестиваль — это не только временное соприкосновение людей со всех частей света, но и величайший символ: это временное соприкосновение является прообразом будущего общества, всегда нового духом и скрепленного единством сердец, общества, которое не будет разделять ни границы, ни языки.»

Перевод с польского
М. ИГНАТОВА.

г. Варшава.

Один из красивейших районов Варшавы —
Старе Миско.

С ЧЕГО ЖИЗНЬ НАЧАЛСЯ..

Рассказ

«Здравствуйте, товарищ редактор! Вы меня просили написать мою жизнь, а толком не пояснили, с чего начинать, почему это нужно газете? Я ведь не дедкин, не путешественник, ничего в своей жизни героического не совершил, а всего лишь начал жить. Но у меня ваше письмо, а в письме просьба: «Расскажите нашим читателям, с чего началось ваша жизнь».

Я никогда особенно над этим не задумывался, а после вашего письма целую неделю ломал голову: с чего же моя жизнь началась? Натаншике вы говорите, что с любви моя жизнь началась... с первой моей любви.

А любовь наша, значит, таким образом случилась... Потому что первая, самая первая и на всю жизнь единственная любовь всегда случается влугу.

Родился я на берегу Спасском, что раскинулось на зеленых берегах Кондома, в Горной Шории. Знаете Горную Шорию?... Это совсем недалеко от Телецкого озера, на Алтае.

Так вот, родился я на Спасском Ойнеке. А мама моя умерла. Не помню маму. Ойнек это горько в жизни человека, когда он не помнит своей мамы. А отца хорошо помню. Он у меня был очень большой и сильный, наверное, самый большой, самый сильный из моих братьев, которых я знал и знаю. Он работал гидромоторщиком на заводе. Золото добывал. Гидромонитор — это водная пушка, которая разбивает золотосодержащую породу, горит ее по специальному приспособлению — и драгоценный металл оседает на загрязненных щепках.

Отец работал на гидромониторе, потому он еще был охотник. Как только у него наступил очередной отпуск, он invariably или в горы, или в Кавказ — не ездил, набивал сумку сухарями, консервами, брад ружье, рыболовную снасть и уходил в тайгу — недели на две, на три. Семь месяцев тайгу, которые вы можете видеть в моей комнате, складывал по приказу моего отца за последние годы перед войной. Здоровенные шкуры! (Я написал — семь шкур, а Натаншика заглядывает мне через плечо и говорит: «Как же семь, если девять? Но восьмью и девятую уже я добыл»). В течение девяти-десяти сорок первым году отец со мной распрощался. Помню, я спросил его в то летнее утро:

— Ты куда, папа, на медведя?

Он расхохотался и сказал:

— Хотел начать в тайгу тебе сыночку, да, видишь, не получилось. Фаншты поезда на япану емко, защищать родимую землю... Смотри, уись как следует. Будешь у тетки Зины жить. Она добрая.

Потом он потрелял меня за чуб и быстро ушел. На войну.

Тетка Зина и на самом деле была очень добрая. Мы с ней жили дружно. А отец с войны не вернулся. Сначала я не понял, почему он задвигивается, почему не едет домой, почему старая тетка Зина все плачет и плачет. А потом как-то случайно нашел в солончатой шкатулке воинское письмо без марки, в котором сообщалось, что старший сержант Николай Чебан взял смертью храбрых при защите столиц нашей Родины Москвы.

Погоревал, плакал... я в свое время, зубы и кулаки так иногда скакал, что у тетушки Зины глаза становились большими-большими.

Вначале я учился в обыкновенной школе, потом в ФЗО и, когда ФЗО закончил, стал работать перфораторником на соседнем заводе и учился в техникуме. На первых порах иногда вешались, болели-болели. Техникуму никак не может научить обращению с орудиями производства, а как стать взрослым рабочим, на которого полагается государство... этому научит только сама жизнь, если, конечно, ты эту жизнь уважаешь.

Бывало, приходил со смены ушибленный буднями и, жваго жваго ладонями, читал записочки технаических брошюры, твудила ошедное задание по курсу. Чудные дела: в брошюрах все выгадело просто, а у меня в забое — наоборот! Потом, когда техникум закончил и стал работать сменным мастером, я сам написал маленькую брошюру, после того, как моя смена завоевала первенство во всесоюзном соревновании...

Но перед этим, я вам доложу, была такая битва, такая битва, что даже подыхающих слов не подберешь. Битва была с Сергеем Ойнешко; он тоже к тому времени руководил сменой на участке.

Кстати, я забыл рассказать о своем друге Сергее Ойнешко. Да вы, наверное, читая письмо, и сами подумали, что я жил был один-одинешенек, что, кроме тетушки Зины, рядом со мною никого не было. А на самом деле был, есть, будут школьные, потом горняцкие друзья-товарищи, и первый среди них — Серг Ойнешко.

Помню, еще на выпускном вечере в техникуме он меня опаршал совсем несоборными словами:

- Ты понимаешь, Володька, любила! —
- Ты понимаешь, Володька, любила! — В кого?
- В девчонку... говорит... из радиоклуба.
- Значит, она радистка?
- Да еще какая! — И влохнула и лицо сделала безмятежно грустное.

Тогда я спросил:

— Покажи же, очень любопытно...

Сереежка развел руками:

— Чудной! Я же в нее влюбился по радио, а пока еще в голосе не влюбился! Ясно? Это было совершенно не ясно, но я промолчал, тем более, что спорных вопросов у нас с Сергеем всегда оказывалось предостаточно.

Значит, Сергей влюбился заранее, в один толчок толчок. Его личное дело. А когда моя смена победила в соревновании бригаду Ойнешко, он сказал, что душа у него была в это время занята более тонкими вопросами. Это, думаю, ты все слышавшая на свою личную любовь. Ладно, это тонко, так и врет... Это я так подумал, потому что не предположил, каккая на меня самая беспокойная жизнь надвигается...

Началось это (почти началось), что меня вызвали в рудничный комитет профессора. Безецу со мной имел сам председатель Антон Сергеевич Бабак. Очень строгий у нас председатель. Глазо у него сухонькое, глава больше, а над глазами брови, что уржалежные колоса.

Указал мне Антон Сергеевич на стул, потом долго что-то искал в своих бумагах, потом спросил неожиданно:

— На прошлой неделе ты в областной газете хвастался, что твоя смена будет чуть не всю жизнь передовой?

Я ответил, что не хвастался, а говорила истинную правду, потому что...

— Ага... сказала Антон Сергеевич, и лицо его вдруг как-то изменилось, совсем как у папки, когда он брал меня в руки... Ага... повторил Антон Сергеевич... поиняно... А как ты относишься к войне... если таковая придет на нашу землю?

— Вообще... говорю... отношусь к войне плохо, но белку стреляю прямо в глаз... Продолжи зимой, во время отпуска, двух недельной воя...

Поиняно... кинул Антон Сергеевич, потом подумав, сказал: — Тут, парень, есть два предложения: поскольку ты самый передовой и самый молодой сменный мастер, рудный нашего профессора посылает тебя в Москву на конференцию, которая называется миром. Ясно? И второе предложение: вернешься с конференцией —

и пойдешь с геологической экспедицией закладывать новый рудник на юге Кузбасса. Договоришь тебе? Крикнешь экспедицию, но это уже дело хозяйственного управления. Ясно?

Конечно, мне все было ясно и все неохотно. Вперед! Москва! А ведь и даже в своем обычном городе на одного рудника не был. Потом эта экспедиция, новый рудник, который предстояло закладывать... Такие крутые повороты в моей жизни наступили!

Расспросил со своей сменой, являлся ли в моем случае на слухать томоса, взял у Антона Сергеевича свою откорректированную речку — и на поезд. Ранним утренним это произошло. Горы кругом голубоватые, воздух алясший запахом молодой травы, кедровой хвои, дамком от паровоза. Смотрю из окна — я в первом. Сергей Ойнешко! Бредет туда-сюда и кого-то ищет. Кругу ему:

— Сергей! Ты меня проводишь?

Он отмахнулся:

— Тебя лучше встречать приду... Тут, парнишкане, ужасней в стоянку та самая радистка...

Я расхохотался:

— Ты же ее зночию явнешь!

— Ты же ее зночию явнешь! — позмакнулись... Она тоже в Москву. Я принес ей широк с тайменем и с рисом, мата испекла... А который вагон — из памяти вышибло. Может, дорогой встретили и перешли?

— А какая она из себя, радистка-то? — спрашиваю.

Поезд как раз тронулся. Пассажиры зашумели, и Сергей показал немалую такт от земли: дескать, вот какая радистка! Чудной! Подумал мимо мысленный анакомом тавные места, я с ширгом в руках наскоро прошел по ближайшим вагонам. Пассажиры оглядывались на меня, смеялись. Один какой-то залорный парень склеил мне глаза.

— Это что اینجا, с занавесом поехал, да морковника занюхав явнати!

— По компетенции... отозвался другой пассажир... явнати, в явнати-то как раздался! Не никак, забойщик или охотник-механиканик.

А широг на самом деле был необычайно большой, он даже прогнбался у меня в руках. Но сколько я ни заглядывал в купе, сколько ни ходил, радистки мне так и не удалось отыскать, ведь кругом это что она маленького роста, а я ее нечего не анал. Вернулся в свой вагон, завернул сереежик печеный дар в газету, положил на столик, а сам скорее к окну.

Кто отправлялся впервые за свою жизнь в дальний путь, тот, конечно, поймет меня: не отходя ни на шаг от окна, я все смотрел и смотрел, как мимо плывут таежные горы и пави, громяхот под колесами железные мосточки, как залетают падаюк, сереежис в две длинные, таежные косы за плечами и еще краешек маленького окоя видел: оно же ко мне стовой стовой! Но синые гала и реснички... Селукуд посмотрел и сразу замомил. Вдигте, каково истерию случается! И вдруг думаю: а может, это не единственная секунда, а может, мы будем вместе едти до самой Москвы?

Потом я увидел в зале, совсем близко от президиума, Кондратия Ефимовича и Наталью. Они разом хихикали мне, и я захохотал. А про буржуа вспоминал в самом конце речи. Вспоминал и мелком подумал: я полагал же мне от Антона Сергеевича Бабака! О чем же я говорю! Глядя на старостарика, но буквально можно возмостановить, но нужно ли все восстанавливать? Я начал с того, что, когда подросток, нашел в соломенной шкатулке воинское письмо, в котором торжественными словами сообщалось, как погиб мой отец, защищая родную землю от фашистских захватчиков; как плакала Наташа Озерова в Новосибирске, потому что вспоминал ее отец и брат ушли на войну из Новосибирска и тоже не вернулись домой; я рассказывал о двух сыновьях и внуке Кондратия Ефимовича. И наконец, о Кузбассе. Если, дескать, сейчас поехать в Сибирь и у небольшой станции по названию Юрга повернуть прямо на юг, по великой бассейновой магистрали, то справа и слева, до самых синих гор Саянов и Кузнецкого Ала-Тау, расстилаются пшеничные колосы, иные нивы; то там и здесь вы увидите города, шахты, заводы, электростанции; шахтерские поселки возникают то белыми хоромами за долинами зеленых гор, то улочка к улочке на самые вершины гор взбираются, и так до самой Горы Шория, вглубь ее, мимо реки, через мосты и распады. Сотни тысяч людей в Кузбассе работают: плавят металл, возят, которому мы добавим стальной машины, качают на поверхность миллионы тонн угля, собирают миллионы пудов пшеницы. А спрсите-ся у любого из этих тысяч: «Как ты к войне относишься?»

— Меня вол тоже спросил Антон Сергеевич Бебик, председатель нашего рудника, и я ему сказал: «Плохо отношусь к войне, но безулыбно в глаза, в прошлой зимой вручили взяд двух медальев». После этого в стенограмме выписано: «Бурные аплодисменты, бурные аплодисменты ко мне подошел один доонецкий шахтер, покая руку и сказал:

— Хорошие твои слова о войне и мире! О белках и медведях тоже крепко запомнил. И о любви. Бывала у вас в Кузбассе, воевал на фронте рядом с сибиряками... Все ты правый, товарищ.

— Вот и ладно,— подтвердил Кондратий Ефимович.— Я и выступать теперь не буду по своему... личному вопросу.

А Наташенька только легонько прикоснулась к моей руке—и ни одного слова. Фу, загордились!

Через день мы расстались. Я поехал к себе домой, Кондратий Ефимович— в Крым, погреть на морском берегу старые кости, а Наташенька осталась в Москве у тех самых родственников, у которых жила во время конференции. Жалко! Лучше бы она со мной вместе поехала. Поговорили бы, узнал бы о ее жизни подробнее, а то все не удавалось распорозить, все стеснялся. Знаю одно: что живет она как-то наизусть рудничными измами, из маинских приписок. Подумал-подумал и на продаже подарил ей беломундирную уральскую «Хозяйку Медной горы». Вот как приводелась.

— Увидела или нет, по адресок мой запомнил? Володыра!— сказала Кондратий Ефимович.— Кемерово, Подгорная, самая крайняя изба к Искитимке-реке.

...

Как и говорил Антон Сергеевич Бабака, от геологической экспедиции я наймется в Москву. Было добираться своими силами. Отчалить перед рудником, захватил кое-какие приписки—и в путь.

Там, где железная дорога кончалась, начиналась кондовая тайга. С последней станции вышел под вечерний перерон кузнецков. У подошвы Лысой горы, там, где кудрявился черемушник, сиял отливший выветренный плащ, присел в тени молодой березки незлобиво, вынул из папюски. Почти у самого носу вырвалась посылка эфирница, глядя на меня черным глазом-бисеринкой и истороженно прижалась к плоскому серому камню.

— Ладно,— говорю,— не беспокоится, я уложу.

На гору поднялся в зеленые сумерки. Также зеленые, будто хрустальные, сумерки также в нашей Кузнецкой тайге бьются. Далеко на востоке неслышно метались бирюзово-синими, а из падеи все выше поднимались густые тени. У самой горы в квадратике одинокой усадьбы мигнул огонек, дрогнул, погас и вновь зажегся. Молодой, распыляющий рудею дыма оповестало, оттого ли, что ширя такая вечерняя вокру, или что терпко запахло рогонными травами, или голос чей-то хохотом услышывался. Часто со мной такое случалось за последние время. Постою, постою на горе, присмотрюсь к огоньку внизу и, будто ухватившись за его золотой лучик, пошел к усадьбе.

Старик-хозяин принес к столу рамку тельного меда, мы сели за чай со сморщившей заваркой и немилостиво разговорились. Мелкожизными каллами оседая на тонкое дно стакана, горю лампы мелкая коровка шошары, в окошко вырвались запах трав, молодой хвоя, и слышно было, как чичные птицы кричат в тени, протяжно. Как умел, я рассказывал о Москве, о конференции строителей мира, о том, как теперь люди восстали против войны, против тех, кому она выгодна.

— Благодарствую,— сказал хозяин,— за известия, за Москву благодарствую. Ко мне ведь газетки редко приходят. Думать ногами буду. Много ли вас собиралось за мир говорить?

— Много,— отвечаю,— тысячи полторы, пожалуй, было, но ведь это те, кого народ выбрал да послал, Москва, допустим, в Кузбассе живет—визитер, а ведь час от Кузбасса на конференции голосовало не больше пяти человек.

Хозяин встал, взял с углового столика, покомил остаток моей самодельную, выкрашенную зелеными рамочку и спросил: — Она была?

— Смотрю и глазом своим не верю: Наташенька! Глаза ее, лицо ее! Улыбаются! Точно так она улыбаюсь, когда приехала от меня «Хозяйку Медной горы».

— Как это? — Наташа Озерова... Как она?.. Как ее портрет у вас, дедушка? Как он здесь оказался?

Старый таежский житель кивнул: — Очень даже просто: кивнула—иши ятатор, радостно с припиской. Летом меня от смерти выжили... Напород ногу о злой кака, а кровь во мне стариковская, но совадала с недугом, заражение получилось—лежу и света белого не вижу и ступить не могу. А тут она, Наталья, приехала. Туда, куда она пришла—обмыла ногу, перезвала и тем же часом долой с завязью. Не успело солнышко за полдень перевалить, смотрю, катит дождик, с ним фершал, а впереди, на бугорке, Наталька. Не будь денки, осветила бы мои глаза.

Наталья... радостно... присек... Все у меня в голове перемалось.

— Где же ей быть, коли вернулась из Москвы? Владив, куда пахла залестал!

— Далеко до присека? — Каким холмом пойдешь... Верст всеминадцать—двадцать будет, они здесь не меряны. Гляну— в окош—одни звезды видно да пятны голосе слышно. Посмотрел на портрет. Спокойный такой разлет бровей, большие внимательные глаза за темными-темными ресницами.

— На куда же ты, куда?—забеспокоился хозяин.—Темь какая, горы, веревончас.

Но я уже собрался, поблагодарил за хлеб-соль, за мед, подумал немного о пороге, вытанди из нагрудного карманка свою фотографию и положил рядом с самодельной рамочкой.

— Если,— говорю,— нам не случено встретиться, потому что времени у меня в обрез, пусть и моя фотография рындыком будет... А доведется Наташеньке заглянуть к вам, поклои перебьете.

Шел легко и диву давался: откуда силы взялись, ведь за чьем меня так разморозило, что вперу падал на лавку и спи. А тут нет нишковой ведь усталости, будто только что подлезал утречком, умылся студенной водой у колодца—и в путь. Немного погодя из-за Лохматой горы показался лунный климшичек, и сразу посветело.

Принес, оповестивший голубоватыми сопками, лет у меня нос в расклетой дамке. Матю и домика радиостанция я еще издалека приметил. Неподобежало, себя явился прямо из реки. Все же умирался основательно. Или робость на меня пала.

На мой стук вышел на крыльцо застенный, рыжий, колосатый Сергежа Овнищико. Честно слово, не меньше минуты прошло, пока мы удаляено разглядывали друг друга. Потом Сергежа расхохотался что было мочи:

— Ну и хитер ты, Володыра! Пирог мой самодельно съучил, с Натальей Петровной обзнакомился, портреты свои в гамзетх напечатал и, будье любезны, в гости пожаловал...

Все пятидесять километров будто сразу на плечи мне легли, еле удержался на ногах, по сам улыбаюсь, говорю:

— Ты бы, хитрый, пустил сначала в горницу, а потом и вернул сколько душе угодно.

— Это можно, это по-охладу!

И Сергежа широко распахнул передо мною двери.

Комнатка оказалась небольшая, об озно окош, дальше перерогорда до потолка и доши так дьяра с табличкой «Аппаратура. Вход посторонним воспрещено». Кто же здесь посторонний? Но на дьярех замочек, значит, посторонние—это я и Сергежа? А Сергежа вел себя, как заправский хозяин; мигот умал, расставил печку, вскипятил чайник, разлил на скорую руку десертк юнц—и пожалуйте кушать!

Мой старый другок, оказывается, уже неделю издеваю на присеке.

— Понимаешь, отпряслася с рудника, не стерпела...— будто жалуете он.

Что ему на это отвечать? Говорю:

— Угу...—

— Прощай, значит, сюда... Наталья Петровна нет, она еще не приехала... Я опять...—

— Угу...—

— Жду, значит. Приезжает она. Обрадовалась...—

— Здорово?—

— Что?—

— Обрядовались...—

— Да как сказали...— Серезка залучило почесал свои рыжие волосы.— По-моему, подходе образвалось. «Вот»,— говорит,— хорошо, что вы здесь появились, что у вас время есть. Вы и побудете пока на ставнции, а мне необходимо на месяц отлучиться в Томуский район, там в одной геологической партии радист заболел». Одним словом, я в самый раз на присек угодил, потому как в отсутствие Натальи Петровны ей из Москвы доставят реновачка.

Я повернулся, но все же опять сказал свое:

— Угу...—

А Серезка посылал:

— Ребеночек— это девочка, дав с половиной годика. Заболел, видншь ли, брат у Натальи Петровны, инвалд Отечественной войны, а мамини тоже нет, воспитывать, чтобы из близких, тоже никого, вот ребеночка и привезут сюда, на присек.

— Ты что же, ничинть ребеночка будешь?—

— Почему? Я должен организовать встречу, а остальное, как говорится, обеспечат присековые женщины, детский сад. Меня и так уже каждый день осылают вопросами: «Не пришла? Не привезли?» Сам, говорю, жду не дождусь, сам все глаза проглядел.

«Ох, и врать ты!»...— подумалось мне, но воздух я в слове не обмолвился.

Голубой летней чередой метнулись дни посреди сырых гор. Была радость с первоначальным лавром геологов чистая падь с двумя искривленными валами. Мы, первые рабочие нового рудника, лавали эту голубую, ясную падь Серебряной. Обживая место, срубили три пятистенный домика, привезли кожаную мебель, а которой нехватало— сами работали. И уже потом, вернувшись в горнорудного управления с официальным назначением на должность начальника строительного участка, я в неурочное время поставил еще один немоский пятистенник. Сам строгал по дощам, валил щипы, пригонял в пазы двери, сам примостил на конек резного деревянного лентушка. После того как прибыл первый транспорт запряжками, в торжественной обстановке завозили первую итальною; по этому поводу разударили в свесорубленные домики кедровой хвоей, летними цветами; даже речн пронесли и медовухой с соседней шорской пасеки подбавлялись.

А как только наступило время ринных вечерних сумерек, я вышел на близкую горку, как обычно, сед на облюбованный пенек и прислушался. Где-то далеко-далеко и будто во мне, не переставая, звенел знакомый девичий голос. О чем он звенел в эту вечернюю рань, о чем говорил этот голос? Вот по утру тоже— выйдешь на горку, повернешь лицом к востоку и слышишь тот же голос, то близкий, то далекий, будто ветром колеблемый.

А как-то вечером, неведи черед полторы последи, разударили в свесорубленные домики с северо-востока— подул резкий ветер, и наладился дождь, да худнй, длинный. Поздно ночью прибрел ко мне дежурный по штодне и задвинул вывешиваду.

— Владимир Николаевич, река-то забеснелась, к самому поселку накатывает!

Мы молча рванулись в ночь, в непрерывную воздушную дурь. Первым делом нужно было спастись дос в маленькой завети. Но там уже молча работала десятков горняков. Пробормоля причал на двух сплотах— держался крепко. Я метнулся к устью штодны, но вода не могла добраться сюда, как бы высоко ни подыгалась. Прича лито от дождя, тронулся было

обратно и тут же остановился. Вплыве слабо, чуть слышно, потом истинно, над рекой, из голубой темени долетел перенятный крик: «О-о-дия-а-а!». Послушал, послушал, плююму со злости: откуда же было взлететь в такую ночь знакомому голосу?—

И утру небесные лабы месили. Подыбалось умыто утро. Для небольшой геологической съемки я вышел на Железную горку. Далеко внизу, словно вадонку за секундами, торопили стучал дымком компрессора, но на горе казалось совсем тихо, даже шипучки между собой не разговаривали. По правому склону разбежались березки в дымчато-зеленых платнцах, а по левому на самую вершину тяжело подыкались армучная рать кедровника и, словно заносясь, отставившаяся крутого каменистого обрыва. Где-то, вон за теми и еще за теми синими, розоватыми горами, в неоглядных тяжелых дубрах шепотом итальной вается голубой дымок от котра. Рядом выщепилась полог Оросенной палатки, невзакое радиомята, передатчик, черные равковые научных на девичьей голове, тонкие палыч чутк, приметно взвартуют на рукоятке ключ. А голоса девауки больше не слышно, даже если глаза захреши, если один, как вот сейчас.

— Ты что, не выслался или горе какое? Почему глаза замыгали?

Голок знакомый и прямо надо мной... Сергей Ошипенко!

— Ты?—

— Каким ветром?

— Как ветром— терпенья не стало...

— Терпенья?

Сергей пришел рядом, снял кепку с накомаринок и бросил под ноги. Лицо его было черно от августовского солнца и худо, рыжие волосы выгорели, пожелтели.

— Какого терпенья, Сергей?

— А такого...— Он, очевидно, старался не смотреть в мою сторону, поэтому говорил глухо, но очень внятно.— С утра и до вечера все одно и то же, все одно и то же... Спервоначала-то, как вернулась на присек, я ей объяснять пробовал: дескать, и холодно, и дубоно,— подумай, мол, Кузала там! Рудник ушашишь, а радиостанция слова никакого до себя не доускает. А на той неделе приходит и бумажку мне. «Перезовусь»,— говорит,— на рудник, в Владимир, потому что не может он там без радиостанции работать! Я, знаешь... поверил. Снарядил лодку и... сам выехал. А сегодня-дня ночь, Володича, чуть было все не попортился...

У меня так и захлопотало в груди.

— Это она в самый ливень кричала?

Он кивнул.

— А я, Сергей, не поверил... в голос не поверил!

Он покачал головой, руками развел.

— А ты верь на все жизнь, потому нет на земле вернее голоса...—

Встал, отряхнул Мне, Владимир, поря. Да и ты поторайкайся.

И ушел. Друг!

В это раз ноги от меня отставали с такой итальной быстротой я как-толся с горы. Выбегая из-за угла своего «персонального» пятистенника и сразу слышу встревоженный зов:— Натанька! Натанька, куда же ты!

И тут же через засыпкой порог торопливо, с коким-то озорным взаимоганьем переваливалась маленькая деваурка в розовом платьыце и— топ-топ-топ...— да рисью, да на самый краешек крыльа. Еле успел подхватить ее на руки. Она как засмеется, как завизжит снова— и руками капризно замачала. А на крыльце уже большая Натанька, бледная, с руками у груди, вот-вот упадет.

Помодала, а вотом она первая голос поддала:

— Ох, Володя, я так испугалась! Я думала, она и крыльа...

— После сегодняшней ночи испугалась?— невольно удивился я.

— А что могло случиться? С нами же Сергей Ошипенко был!

— Ну, маленькая Натанька... говорю,— как себя чувствуешь на новых землях?

А маленькая Натанька, курносая, синеглазая, том-а-точ в своем летку, заруд приоткрыла и смотрит, смотрит на мене, даже рот приоткрыла. Потом летнкою, одним прытком пригнулась к моей щеке.

Подыкался в горнуну. Большая Натанька быстро прошла вперед и, мне показавшись, наспех перевернула в раскрытом чемодане две самодельные кедровые рамочки с фотографией. Зато «Озюпка Медной горы» уже стояла на условном столике и горделиво из-под высокого кожанкиа смотрела на зеленое газонное Заренье. Я показал глазами на деваурку и спросил у Натаньки тоже одними глазами: «Как отец?» Натанька отвернулась, но я заметил, как у нее мелко вздрожали губы. Умер! Значит, на целые десятилетия вперед оторосла свою очередь темь воина!

А Натанька-маленьшая все потрагивала, потрагивала мою щеку пальцем и нечаянно положила куцурную головенку на мое плечо. И тихолю вадуха.

Может, с этого моя жизнь и началась...

Жизнерадостное искусство

Ансамбль песни и пляски Краунагского политехнического института — сравнительно молодой самодеятельный коллектив. Но известен он далеко за пределами своей малой родины. С неизменным успехом ансамбль выступал в Москве, Ленинграде, Минске и во многих городах Прибалтики. Но есть один маленький городок в Литве, где студенты Краунагского встречаются с особым рвением. Это районный центр Вильнюс, над которым шефствует институт.

Вильнюс раскинулся уступами на правом берегу Немана. Впечатление такое, будто город сплз с крутой горы залив, подобно лаве. У Немана вода, на фоне зелени резко выделяется белоснежная, крытые розовой черепицей дома. Человека, видевший Вильнюс пятнадцать лет назад, с трудом узнает сейчас. Только темнеющая на вершине холма острая крыша деревянного костела напоминает о недавнем прошлом селения, в котором хозяйничали косяки да кулаки.

Нынешнее лето не балует жителей постоистовом: того и гляди, холодный балтийский ветер пригонит с моря тучные тучи и хлынет дождь. Но когда в Вильнюс приезжает молодой ансамбль, жители не обращают внимания на погоду. Со всех концов городка они тянутся к открытой площадке, где на импровизированной сцене готовятся к выступлению участники самодеятельности. Еще исленно многие узнают среди студентов знакомых: ведь большинство из них помогало строить здесь электростанцию, тянуть электропровода, ставить радиоточки. Сегодня студенты привезли в Вильнюс музыку и танцы.

Под звуки канцеля, поющих на гусли, на сцену выходят юноши и девушки в национальных костюмах. Волосы девушек украшены венчиками из разноцветных шелковых лент, перелетаящих среди ступенчатых ритмов. Танцуют четыре пары. Внезапно к ним подлетит новый танцор, одетый богаче и ярче других, подпоясанный широким шелковым поясом. У него лица, вращающиеся дионисийски. Так начинается народный шуточный «танец ядовитых». Он сменяется стремительным «Джинкусом» («рыскоком»), исполняемым тремя парами юношей. Но наибольший восторг зрителей вызывает всеялый звучный «кулмилкас» — танец деревянных башмаков. Его танцуют в деревянных «кулмилках», которые когда-то были основной крестьянской обувью в Литве.

Танцоры сменяет капелла народных инструментов. Звучит народная мелодия «Чегутис» («кукушка»). Ее исполняют на старинных духовых инструментах «судуайчи».

В самодеятельном студенческом коллективе много подлинных энтузиастов. Один из них, руководитель танцевальной группы Ричардас Тамулис, считается ветераном ансамбля. Он хорошо помнит, как создавался этот коллектив. Тамулис несколько лет назад приехал впервые на вечернее занятие маленького кружка любителей народного искусства. В те дни комсомольцы института только начали вовлекать в кружок студентов, особенно первокурсников, а спустя два года в Москве уже выступал ансамбль, насчитывающий почти двести участников. На всесоюзном смотре коллективы художественной самодеятельности в 1951 году студенты получили первую премию.

Благодаря инициативе молодых исполнителей, их творческому поискам были возрождены многие жанры народного искусства, забытые во времена господства буржуазии в Литве. Сейчас репертуар ансамбля насчитывает десятки народных танцев и хорозоводов, стремительных и лирических батюшек и юмористических... Каждое лето участники ансамб-

ля отправляются в турне по селам Литвы. Поездки обогащают танцевальную группу новыми номерами.

Ричардас Тамулис помнит, как в первые дни существования танцевальной группы к нему подошел студент гидроэлектрического факультета Мечислоас Свейтас и заявил, что он не прочь бы участвовать в коллективе самодеятельности, только пусть его «подучат». Через два года упорной работы Свейтас стал лучшим солистом группы.

Второкурсник — механик Алыгирдас Варжиучис в семье профессионального музыканта-тромбониста. Родители хотели, чтобы сын шел по стопам отца. Алыгирдас по поступлению в институт три года учился в музыкальной школе. И только после того, как он бывал на нескольких выступлениях самодеятельного институтского ансамбля по имени «Криулис» — «деревянный народный духовой инструмент. Теперь он виртуозно исполняет на нем самые сложные мелодии.

Сегодня у Алыгирдаса, Мечислоаса и особенно у Ричардаса немало забот. Танцевальная группа ансамбля вместе с капеллой народных инструментов готовит программу для выступления на пятый Всесоюзный фестиваль в Варшаве. Варшавы студенческий ансамбль покажет представителям всех стран мира национальные литовские танцы.

г. Кузнецов.

В. СМИРНОВ

У станка и на сцене

— Выступает молодежный танцевальный ансамбль трудовых резервов города Свердловска — объясня на венгерском языке выдуцши.

На импровизированной сцене, сооруженную прямо в цехе завода, вышли девушки в красочных русских сарафанах. Хорозод по плывно танцует, напоминающая разноцветную ленту, то сплетаясь подобно простому венку. И вдруг на сцену вылетели юноши, слава разбив на пары давний хорозод. Спокойный, замкнутый ритм танца сменился быстрым и напряженным.

Под сводами здания, нарастая, заремели аплодисменты. Свердловчан, окружив, издавали. И вдруг в этом море радостных восклицаний прозвучал чет-то голос, полный ноток сомнения:

— Я не верю, что это рабочие... Это артисты!

На мгновение наступило недолгое молчание. Возле сцены стоял пожилой венгерский рабочий. Вызывающе глядя на юношей, он тем же тоном спрашивает:

— Танцуете вы хорошо, а вот умеете ли работать?

Рабата переглянулись... Волода, один из солистов ансамбля, соскочил с эстрады и рывком шагнул к станку. И станок... Кто-то, дико давшись, в чем дело, нахнул ему рабочую куртку поверх шелковой рубашки. Не говоря ни слова, Волода привычно осмотрел токарный станок и уверенно выключил исток. Метод резац положил завитки металлической стружки. Лихой танцор не отошел от станка, пока не выполнил всю дневную норму, и сделал от этого всего за два часа.

Трудно сказать, что больше привело венгерских товарищей в восторг — удаляя пляска или это показательное выступление у станка. Когда Волода, оставив станок, пойдил над головой сверлящую деталь, в цехе снова раздались аплодисменты.

Старый рабочий пожал Володе руку.

— Ну и молодец! — восхищено сказал он. — Танцуете, нем мастер, работаете, как артист. Ничего не понимаю, что вы делаете.

От этого случая произошло лето 1949 года в венгерском городе Кечкешмете в дни третьего Всесоюзного фестиваля молодежи и студентов.

Молодые свердловчане рассказали венгерским рабочим историю своего ансамбля. Он возник в год окончания войны, в 1942 году. Его участниками были ученики школ ФЗО и ремесленных училищ. Им приходилось выступать в госпиталих, на заводах, в военных частях. С 1946 года ансамбль беспрерывно проводит большие турне и знакомит народных танцев, балетмейстер одного из театров Свердловска А. П. Полевича. Упорно работая над программой, молодой талантливый коллектив добился одного из первых мест на Всесоюзном смотре художественной самодеятельности, его послали на фестиваль в столицу Венгрии.

Это была чудесная поездка. За двадцать дней ансамбль тридцать три раза выступал в различных венгерских городах. Послуды свердловчан встречали тепло и приветливо. Особенно радужными были встречи в Будапеште. В большой семье молодежи всех стран участники танцевального коллектива нашли много друзей.

— С тех пор прошло шесть лет. Состав ансамбля почти полностью обновился. Многие его участники окончили училища и работают теперь на заводах. Но они не забывают родной коллектив.

Несколько человек вообще не захотели расставаться с ансамблем. Работая на заводах, они находят время участвовать в новых постановках. Лучшие солисты коллектива — мастер Павел Фомин и токар Надежда Сорочинская — продолжают «Уральским» ансамблем своих рабочих профессий и другие артисты ансамбля. Нина Сахарова — радиомонтажница, Сергей Дятлов — мастер производственного обучения ФЗО, Галина Лобарева — организатор.

На заводах, в институте, в театры уходит трудится воспитанный ансамбль, но творческая жизнь коллектива не прерывается. В прошлом году группа солистов ансамбля в составе советской делегации совершила поездку по Финляндии. Творческое сотрудничество с молодежью других стран обогащает репертуар ансамбля. И не случайно так хорошо венгерские «Чардаш», исполняемые свердловчанами, всегда его помогали ставить студентам из Венгрии, обучающимся в Советском Союзе.

Дружная и настойчивая работа всегда приносит хорошие плоды. На последнем смотре художественной самодеятельности трудовых резервов свердловский ансамбль показал высочайшее мастерство. Он получил почетное право представлять советскую молодежь на фестивале в Варшаве.

Тот же вечер, что и поездка на фестиваль, участники ансамбля ознакомились с историей Польши, прочитали книги польских писателей, просмотрели польские кинофильмы. Ансамбль привнес и показу на фестивале свои лучшие номера — стремительную «Огневушку», плавную «Черемушку», лихой «Уральский перелес» и шуточные танцевальные миниатюры.

Перед отъездом на фестиваль староста ансамбля Сергей Дятлов заявил:

— С огромной радостью и гордостью за советское искусство готовимся мы к выступлению на фестивале. Нет сомнения, что устремленные вперед советские молодежь всех стран послушны укрепленю мира, дружбы и счастья на земле.

Ю. ПОЛКОВ

На в я в л а д е т группа танцевального ансамбля трудовых резервов города Свердловска исполняет танец «Огневушка-поскотник» в паре с танцовщицей из Восточной Европы — Валей Юлиной и Юрием Зольниковым.

Фото В. Тюник и др.

Они едут в Варшаву

Песни родной Белоруссии

Когда выступает Белорусский народный хор, исчезает ощущение, что на сцене артисты. Впечатление таково, будто праздничным днем вышли на улицу парни и девушки в народных национальных костюмах. Самые интересные и необычайные в ансамбле, строительные в движениях, звонкая в песне—предстает перед зрителями.

...Точно на речных волках закалялись венки, сплетенные девушками в купальские ночи. Это хор поет народную песню «Речаны». Ее мелодия, лиричная и задумчивая, навеяна красотой белорусской природы. «Речаньку» знают по всей республике—и в Полесье, и на Могилышине, и на берегах Немана. Интересна история этой песни. В 1940 году в селе Великое Полесье, Ляховичского района, Брестской области, возник самодельный крестьянский хор. Организатор его и нынешний руководитель белорусского народного хора Геннадий Иванович Цитович. Сельский хоровой коллектив в том же году приехал в Москву на первую декаду белорусского искусства и литературы. Москвичи тепло встретили «Речаньку». С тех пор «Речанька» прочно вошла в репертуар.

Разные судьбы у песен, вошедших в репертуар хора. У одних—вековая история, другие возникли лишь в последние годы. Но они идут от народа. Песню «На Немане» сложили недавно. Вот как это было. Несколько лет назад Г. И. Цитович в поисках новых мелодий решил проехать по Неману. Он достиг небольшого челнока, погруженного в него стволы деревьев и отправившегося в путь. Течение несло мимо крутых берегов легкую лодку. У прибрежных деревьев челнок останавливался. Геннадий Иванович заходил в лодку, по вечерам сплывал на заливании песни, дедал. Многие из этих песен были сложены еще в давние времена. Они рассказывали о горькой доле народа, жившего под гнетом помещиков. Слыша грустные напевы, Цитович особенно остро почувствовал, что собой является народная песня: радостные и светлые. И хотя он и не был поэтом, рука его потянулась к перу. В дорожном блокноте появились исполненные большого смысла слова: «Стихи над Неманом песни печальные, новые песни сложит народ». Цитович довольно быстро написал текст. Но мелодии не было. Вспомнил, что в селе Заполье, Корелинского района, руководит хором молодой, музыкально одаренный человек Петр Шавко. Геннадий Иванович решил обратиться к нему с просьбой написать мелодию. Шавко горячо взялся за дело.

В результате творческого содружества появилась прекрасная песня, так же широкая и радостная, как и воспеваемая в ней река. Белорусский народный хор стал поистине собирателем песенного богатства Белоруссии. Но есть в его репертуаре и песни, созданные композиторами.

Белорусский народный хор молод. Он существует всего четыре года. Большинство участников хора еще несколько лет назад и не помыслили о том, чтобы стать артистами-профессионалами. Они трудились в лесных заводах и фабриках, на полях колхозов, а свободное от работы время отдавали самодеятельности.

Скоро белорусский народный хор покажет свою программу в Варшаве. На берегах Вислы прозвучат песни белорусского народа.

Р. СОБОЛЕНКО

г. Минск.

На вкладки: молодая артистка Государственного орденка Лина Академического Большого театра СССР Тамара Соколовская в Варшаве она трудилась в лесных заводах и фабриках, на полях колхозов, а свободное от работы время отдавала самодеятельности.
Фото Е. Мичурниной и И. Ефимова.

Читателям «СМЕНЫ»

Молодость повсюду прекрасна. Особенно же хороша она в Советском Союзе, где молодежь живет под сенью мира и любви. Люди всей земли мечтают о такой жизни для своей молодежи.

Я передаю советским юношам и девушкам наилучшие пожелания от молодежи Индии и протягиваю им цветы моей дружбы.

Сарвар ДЖАФРИ.

Известный индийский поэт Али Сарвар Джафри принадлежит к числу чужой, прогрессивной молодежи Индии.

Свою литературную деятельность Джафри начал как прозаик. Первые его рассказы были известны в Индии, когда их автору едва исполнилось семнадцать лет. В них молодой писатель с впечатляющей силой изображал бесправия и нищету своих соотечественников, томившихся под колоссальным гнетом, тесно бившем английских колонизаторов, звал народ на борьбу за национальное освобождение. Собранный рассказов Джафри «Манзил», «Прибытие» и «Смерть солдата» обогатили индийскую литературу произведениями, близкими и понятными народу, и принесли писателю заслуженную известность.

Но особенно яро проявились литературное дарование Джафри и его глубоко эмоциональное, самобытное поэтическое творчество. Умелая первая книга стихов Джафри, «Парад», («Поэты» выданная его в ряды прогрессивных поэтов Индии, чей страстный голос на борьбу за освобождение от чужеземного владычества. Набравшись силными из опубликованных в этой книге произведений сам поэт считает стихотворение «Оборона Севастополя», воспевающее мужество советских воинов. В последующие годы Джафри создает такие проникновенные гласом произведения, как «Миром Бомбея» и «Кровавая граница». Исключительно образно, с патристической эмоциональностью и гневом поэт показал в них, чего на деле стоят «освобожденные» индийскими империалистами, к чему привели образы, и то был его истинный вдохновитель и организатор. Незадолго до провозглашения Индии республикой, томился в тюрьме, Джафри написал цикл стихов «Светлая ночь», нашедшая строки которых достиг трогательную любовь и Советскому Союзу.

«Моя поэзия не для народа», — так сформулировал поэт-коммунист свое литературное credo. Но то, что действительно так, свидетельствует широкая популярность произведений Джафри на его родине, особенно среди индийской молодежи.

Поэт Али Сарвар Джафри — видный общественный деятель, член ассоциации прогрессивных писателей Индии, один из организаторов общества индо-советской и индонидийской дружбы, член Индийского комитета защиты мира.

Открыты из поэмы Джафри «Азия пробуждается», написанной в 1950 году и перенесенной «Смене» во время пребывания поэта в СССР, на русском языке публикуются впервые.

Азия! Родина, мать и кормилица
Знания, что по природе приходится
Цивилизации братом молочным!
Азия! Именно здесь возрождается

Солнце
на раннем восходе восточном
Древний светлячок ветвистого
Разума
именно здесь коренился, питался,
Первый расцвет молодеческой мудрости
считуя с лица покрывал патшалей.
Азия! Древние Веды звучали с этой
вершин,
Здесь преподала Гаутама ученье
равенства братского;
О справедливости и о любви властно
и ласково
Гимны Маяака струились с высот
горной общины.
Азия! Некогда речи Мессии
режались в воздухе нашей истории,
Нашего солнца синие поколосы
на головах вдохновенных провидцев.
Ныне же нашего древнего неба
древние звезды

как в юности радостны;
Зорко взирают их старые очи
на красновоздушную армию Мао!
Наша Земля! Вечно родит она
Зерен жемчужины в золоте колаеса...
Наша Земля! Древняя сверстница
Первых преданий о человечестве...

Дети, плоды и цветы несчитаны
В материнском ее бесмертии!
Царствена, как Гималаи гордые,
Поднимающиеся к вечности
Женщин, на фресках Адженты
пьянущих,
Прародительница—красавица!
Неутомимо своею щедростью,
Гангу и Ниалу подобно, сватилась
Кипящий в ничтожество канура — и
нет его...
Истинны Черчлалл бесчестный не
ведает! —
Всей болтовни его ликой не гримсе ли
наших руин дорогих имена?
От Мохенджо Даро до Великой
Китайской стены
все народ наш насладит
Истории нашей река бесчестно
длинна:
К пирамидам Египта
от стен Тадж-Маха она сдулет,
Вавилоны, аккадов предьяны умчал
она...

С первого, чистого утра целованы
Нашего детства уста — красноречны
Слаух благодарными песнями поставив,
Русми, что в раннем младенчестве
пойнт...
К небу высоты поэзии подняты.

Звездами вечных имен очарованы:
Фирдоуси, Низами изучающими,
Саади, Хайяма, Хафиза восходящими,
Звездами имен — Туarsi Дас и Вальмайи,
Звездами — Сур Дас и Кабир над

высотами...
Не оттого ль в этом воздухе молнии? —
Звуками сделались яркие отблески!
Отзвуки — музыка сава Икбалова,
Вои они где, лучезарные отпрыски! —
Искры в рассказах Ау Сиия рассеяны,
В строках Назима Хикмета посеяны...

Тысячелетних бед ураганы
Над головами промчались нашими, —
Бури истории — мрак печальный
С туманами серого праха страшными...
Сколько бы тех Александров ни было,
Сколько Чингисов, Тимуров, — где они?
Змеи Зухра — и те позойти...
Гасинитсы, Дайеры, Кайямы, Увайламы —
Где эти воины породы и виды?
Время, как едкую пыль, их выбило!
Ты же прекрасной и юной остаешься,
Азия. Землю твою драгоценную
Не покорили ни смерть, ни

усталость...
Наши Рустемы и наши Арджуны не
умирали:
Земля ведь пашут в торах и над
бесами горными!
Наши Фархады кирками упорными
Камени добьют, забывав, отдохнуть
не порали?
Юных и чистых Лейлы и Ширин, и Геро
мы слушаем песни,
В легкой прохладе, под сенью цветущей
танцуют Сакунталы, —
Пусть не в шкела золотые закутаны, —
Все ж и теперь, как на фресках
старинных, прелестны!

О мой народ, ты когда-то во тьму
заклялся,
Снова, как солнце, восходишь из
мира обидного!
В черном огне ты очистился и
заклялся...
Мало ли плав венцов на твоей памяти?
Трон не один рухнул...
Павичник! лежалки мы дога под
коленцами,
В землю родную владенные колесами...
Зернами были мы, —
чтобы взойти светилами.
Утробный ветер ползул, — не
вородиться ли?
Встанем ростками весны
с новыми силами!

Подвиги прежних героев и витязей
За горизонт затуманный

каину, —
Только луки прочтешь метеорам...
Древние нити, укрытые древностью,
Будто сквозь прах этой древности

светятся!
Чем же мы скрывали?
В чем сомневались?
В сердце волеи, о решимость восстания,
Воя жеждия, мощь революции!
О, подумай, радость жизни, с
пожарик истории,
Скин с наших душ наши саваны, —
Мы подымаем!

— Это земля дорогая Хайбера!
Плещут патавы —
Плещут афридий, плещут мехманды,
плещут шивары,
Бьют барабаны,
Яростно вторит им сердце Аурангзеба...
Древнее небо...
Бубны звенят!

«Честь» — начертали дёвкичи палыны
на бубнах...
Дух веселый,
Струны рубяба слово «борьба» говорят —
слово «борьба»!
Славой борцов неподкупных
Вечно гордись,
Хайбера земля,
Вечно гордись!
Счастлива ты,
Багосоловных поэтов рождавшая,
Хану Хаттаку мятежную мощь
передавшая...

Вечно гордись!
Пусть постепенно светила веков
затмеваются, —
Аурангзеба уже времена забываются, —
Молодо поэта, в те дни прозвучавшего,
Вечно звучит!
Вновь из проторов Хайбера оно
поднимается,
Всегда звучит оно — слово поэта и
воина,
Везде, где горе народное не унимается,
Слез человеческих море не успокоено, —
Везде, где дольше терпеть не

согласны мы
Горе и гнет, нищету и неволею, —
Здесь, где под звездами Азии иснами
Встал человек за права человечества, —
Голос поэта разгневанного
Грозно звучит!

Сделались горные ямсы жернами
пушек,
Будто вулканы;
Стенками крепостей стали отвесные
скалы,
морем бушуют топы крестьян.
Ветер времен изменился,
Вот опрокинула столпы султаната
Восточный ветер!
Альям Махарастров державу Великих
Моголов

Дал растерзать!
Море народное, топы крестьян,
наводнение...
Землетрясение... Какой
оглушительный гул!
Песни, борьба, митчеи, революции,
смуты...
Ярость тайпшнов, боксерской войны
ураган...
Эти били фронты храбрецов...
Три столетия билась Герои!
Головы им отрубали,
Вырывали сердца,
Руки их гнали в железных
наручниках.

Ноги их млели в оковах...
Но бессмертна земля!
Воздух бессмертен,
Бессмертна вода.
Бессмертно бьется сердце народа, —
Сердца, которое рвется в открытый
простор,
ищет открытого неба,
рвется на волю...

Не умирает народ, — засматывает он,
Спрятав лицо в золотистый пшай, —
В ярком родимой земли...
Слит, — и лицо к материнской груди
он прижимает во сне,
видит он сны о весне, —
Звездам, что в небе восходят, подобны
всходы семян из земли.
Вечные восток ищет облака, —
Молния в тучах сверкает,
Вспыхнет таившийся в пеле огонь, —
брошен беспомощности гни!

Братский привет вам, о витязи
древности,
От храбрецов пробудившейся Азии!
На горизонте далекого времени,
Вновь заветившись, галдите без
рассвети:
Вста на последнюю битву народ!

Древней! Только мечами владели вы, —
Ныне мы держим поводья истории!
Дайте нам, старые, вечную молодость,
Зоркость, отвагу, завьсама деловые,
Чтобы мы видели нет, вы не умерли,
Дружбой потомков своих удостоили!
К нам приваите крестьянские
армии! —
Тех, кем дороги великие пройдены —
Звенкоголосных верблюджих
погонщиков, —
Тех, кому Неждж и Хиджаз были
родной, —
Тех, кто у Неждж моря прославились,
Воинов — бывших рабов и погонщиков, —
Тех, кем во веки веков обессмертились
Земли Кохата, Хайбера долинные,
Деми, Миртута утравные крепости, —
Всех соборие, спускаясь, аваниюю,
В новое войско вывели их древности,
Чтобы, аижу, бессмертные встретились,
Армии непобедимую создали!
Гимнади все, отласлись звездыми,
Эхо от скал Сахьядари покатысь...
Пробуждается Азия!

Перевели А. АДАЛИС и Вл. БЫКОВ.

Примечания

Веды — древнейшие памятники индийской литературы.
Гуфтама — имя Будды, советника одной из наиболее распространённых на Востоке религий — буддизма.
Мадьян — проповедник религиозно-философского учения и руководитель народного движения в Персии в конце V века.
Аджанат — название древнего пещерного храма на юге Индии.
Мохини-Датро — «Курган покойницы», древнейший памятник в долине Инда.
Вальмики — один из величайших памятников индийского эпоса.
Викады — древние народы, населившие южную Месопотамию.
Кабир (XV в.), Туarsi Дас и Сур Дас (XVI в.) — великие индийские поэты.
Вальмики — автор древнейшей эпической поэмы «Рамаяны» (III в. н. э.).
Икбал — мусульманский институт.
Икбал — пенджабский поэт и философ.
Александр Македонский — в виду Александра Македонского.
Зухра — (Закхор) — мифический царь, за ушиб ногого любого ролли змен, требовавшие человеческих жертв; если жертв не было, змен осылаи мотт царя.
Гастинг, Клайв — губернаторы Бенгалии в период существования Ост-Индской компании.

Уэйвелл — вице-король Индии (1843—1847 гг.).
Дэвис — английский генерал, руководивший расстрелом митинга протеста в Амритсаре в 1919 году.
Рустам — герой иранского эпоса, Фархад — герой знаменитой поэмы «Фархад и Ширин».
Герард — германский восточный поэм.
Арджуна — герой древнейшей эпической поэмы «Махабхарата».
Саку и тала — одна из героинь в индийской мифологии.
Хайбер — горный район на границе Пакистана.
Африди, мехманды, шивары — африканские племена (Батыны), неоднократно восставшие против Аурангзеба — одного из императоров династии Великих Моголов.
Дей-и-и — мусульманский инструмент.
Хан Хаттаку (Кушальхан Хаттакский) — легендарный поэт, воздвиг основана африканских племен.
Мавараннахр — страна, занимавшая центральную часть Среднеазиатского государства.
Неждж и Хиджаз — области в Азии.
Кохат — горный район на северо-западе Пакистана. Миртута — город в Северной Индии.
Сахьядари — горный район.
Примечания переводчиков.

С дипломом на Родину

Фотоочерк Г. Дубинского.

Они приехали в Советский Союз пять лет назад и поступили в различные московские институты. Китайка Сан Су-юнь — в текстильный, ее соотечественник

Ли Чень — в нефтяной; Маринка Димитрова из Болгарии — в Тимирязевский академию; студентом Государственного института кинематографии стал пражский кинемеханик Милаш Шауер; на первый курс педагогического института имени В. И. Ленина зачислили бывшую албанскую партизанку Шпрэсу Ксено.

Им предстояли годы напряженной учебы. Чтобы хорошо усваивать лекции, чтобы работать с учебниками, надо было прежде всего овладеть русским языком, а его почти никто из приехавших не знал.

Трудностей возникало много. Но ни Сан Су-юнь, ни Милаш Шауер, ни Шпрэса Ксено не сомневались в том, что трудности будут преодолены: во-первых, у всех студентов из стран народной демократии было горячее желание учиться, а во-вторых, они с самого начала заняты чувствовали внимание и заботу руководителей кафедр, преподавателей и своих сверстников — советских студентов.

Дети разных народов влились в дружную студенческую семью и стали делать первые шаги на пути к высотам науки. Вместе со своими русскими друзьями они готовились к экзаменам, работали в лабораториях, занимались в библиотеках, а в свободные часы посещали театры и концертные залы или просто бродили по московским улицам. Добрый город Москва стал им бесконечно родным и близким.

Как быстро прошли эти пять лет! Теперь учеба уже позади. Зачетные книжки, испещренные десятками отметок преподавателей, даны в деканаты и вместо них вчерашним студентам торжественно вручили дипломы, на обложках которых герб Советского Союза.

Юноши и девушки из Китая и Польши, из Албании и Румынии, из Чехословакии и Германской Демократической Республики, из Венгрии и Болгарии стали инженерами, агрономами, врачами. С дипломами московских вузов они уезжают к себе на родину, чтобы принять активное участие в строительстве социализма в своих странах.

Сан Су-юнь с отличием окончила Московский текстильный институт. Когда после получения диплома она вернулась в общественно-русские подруги от души поздравили ее с успехом и преподнесли большой букет цветов (снимок вверху). На снимке внизу: идет защита диплома в Московском ордена Трудового Красного Знамени нефтяном институте имени Губкина. За кафедрой — студент Ли Чень. Его работа удостоена высшей оценки.

Перед отъездом на родину выпускники Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина решили еще раз осмотреть Москву, пройтись с городом, который они так полюбили. Вместе с собой они пригласили студентку Нишу Давыдову. На снимке слева направо, в первом ряду: Нина Давыдова, Загар Гохтер (ГДР), Ши Энь-чэнь (Китай), во втором ряду: Фрэнсэль Наумани (ГДР), Цаган Удирпил (МНР), Леон Вальчан (Польша).

Мариуш Марушевский, член Союза польской молодежи, окончил философский факультет МГУ. Сегодня он пришел в университетскую библиотеку, чтобы сдать последние книги. Библиотекарю М. С. Гончарову достает читательский формуляр Марушевского. Сколько книг записано в нем! На русском языке Мариуш прочитал труды классиков марксизма-ленинизма, произведения Пушкина и Толстого, романы Островского и Фадеева. В беседе с М. С. Гончаровой, Марушевский просит ее передать сердечную благодарность всем работницам библиотеки.

Любиме Лапачова получила диплом врача. Незадолго до окончания института она проходила практику в детских яслях № 170 Ленинского района советской столицы. Скоро вот так перед ней будут сидеть самые молодые граждане Праги...

Милан Штвенный
Он бузальной камере
приступить
снимать ф

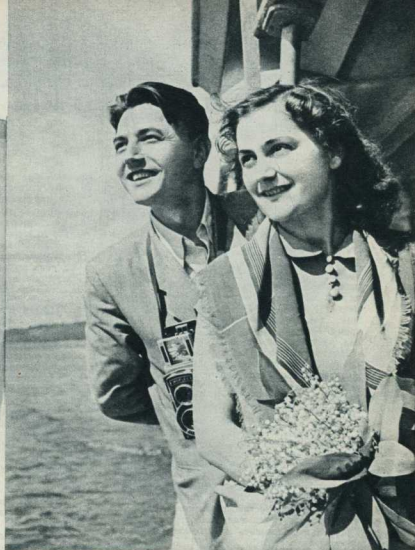

Лауер заканчивает Государственный кинематографический институт и не расстанется со съёмочной группой. Ему хочется поскорее вернуться к работе, связанным с жизнью новой Чехословакии.

Сполнилась мечта Мариины Димитровиц: она стала агрономом. Теперь Марияна едет на родину, в Болгарию, чтобы своим опытом и знаниями применить в полях молодой народно-демократической республики.

Шенаси Зелёной
1950
Московский педагогический институт имени Н.С. Гумилева
Учитель Школы № 11 им. Г.И. Губкина
Института Экономики и Правды
и Промышленности
20 июня Шенаси
Инженер экономики
Рим
Клима
Москва 23 июня 1950

Шпреса Ксено стала педагогом, а Шенаси Зелёная — инженером-экономистом. Недавно они поженились. Перед тем как отправиться к себе на родину, в Албанию, молодожены решили совершить небольшое путешествие на пароходе по каналу Москва — Волга.

Они узнают в разные страны. Но крепкие нити студенческой дружбы не порвутся. Кто-то предложил: «Давайте на прощание обменяемся адресами!» Все тут же достали бумагу, авторучки. Как приятно будет потом получить письмо от друга из Москвы, из Пекина или из Варшавы!

«Где нам лучше сфотографироваться всей группой? — думали студенты-выпускники нефтяного института, приехавшие на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Ответ пришел сам собой: конечно, у фонтана «Дружба народов»»

ПОЛДВИГ «ТУМАНА»

Очерк

I

Корабельные часы показывали полночь. Застигнутый на ходу лейтенант Рыбаков распустил ватный журнал и аккурато вывел дату: «10 августа 1941 г.»

Скрытые записи за минувшие сутки пестрили цифрами координат и курсов, которые менял тралящик, несё дозорную службу. Лейтенант побаранил карандашом по чистой странице: от был молод и, как всякий молодой офицер, ментал о сраженных, о подвиге, а тут, в дозоре, так томительно-однообразно табулось время. Координаты и курсы!.. Захлопнул журнал, лейтенант вышел из рубки на мостик.

Над морем все еще пылающая негаснущая в полярных широтах вечерняя зarya. Стоят почти полный шторм. Всегда бурное Баренцево море сейчас казалось, уснуло. Лейтовая волна чуть плескалась о борт. За кормой вилась крикливая чайка. Слева в розовой дымке таяли очертания скалистого берега.

На мостике, как и вчера, царило все то же тревожное волнение, так и завязавшее с разлитым вокруг коюмо: сигнализация, напрягая зрение, пристально оглаживала присмирневшее и пустынное море, ощущаясь как-то обидно и несбыточно протаранить, опершись на поручни, застал с биноклем командир тралящика старший лейтенант Шестаков; комиссар Стрельник что-то горячо доказывал комсору Бессонову. Кругло повернувшись к Рыбакову, комиссар спросил:

— Сводку слушали?

— Бои идут на тех же направлениях: Бектольском, Смоленском, Коростенском, Белогорском...

— Знаю... перебил комиссар. — Я не о том. Все ли слушали сводку Совинформбюро?

Рыбаков не успел ответить: — послышался неопределённый басок командира:

— Горизонт чист, как в первоадамовские времена. Хотя бы как-нибудь парнишка дабы! Видно, и у командира, так же, как у заступившего на головную вахту помощника, «спелен в пеленке» эти пустыне координаты и курсы, проплетённые мидя трюмологом, но безрезультатного дозора. Он был так же молод, как и помощник, его занимали те же думы, но положение обязывало трезво оценивать обстановку.

— Все ли готово на боевых постах? — строго спросил он, отрываясь от бинокля. — Не исключена возможность внезапной встречи с противником. Война!

— Лучше встреча, чем ожидание... с досадой отлетел Рыбаков. — Балтийская вечерь, и невольно сводка о них оплыла сообщения — долбачили три торпедных катера. А тут даже не верится, что где-то идет война.

И в самом деле, здесь, за 69-й параллелью, было так тихо и спокойно, что даже трудно представить, как это там, на фронте, уже второй месяц идет кровопролитный бой. Но в два часа ночи обстановка резко изменилась: сигнализация заметила в близком море черную точку. Она росла, приближаясь к тралящику. Нервно заблещил зюльки боевой тревоги, и весь корабль мгновенно проснулся. Грем подкованными башмаками, матросы бегом устремились по трапам на свои места, а через минуту уже раздалась первая выстрела, и в недальней облачке дыморыв зенитных снарядов.

Так начался памятный боевой день тралящика «Туман».

II

Вражеский самолет-разведчик скрылся, растаяв в близком просторках неба. Вернулся куда-то исчерпавший во время стрельбы чайки, и снова наступила тишина. Но никто не лег спать. Эквивал бурно переживал первую встречу с противником. Доставалось зенитчикам:

каждый был убежден, что только по их вине и удалось уйти разведчику неуредимым.

Через два часа лейтенант Рыбаков заметил на горизонте дымки. Они то исчезали, то появлялись над морем, словно там, на горизонте, кто-то шуровал костры.

— Вижу три силуэта,— добавил Рыбаков. — Похоже, миноносцы...

И снова заблещил зюльки боевой тревоги. Осветляясь в башине на горизонте дымки, старший лейтенант Шестаков делился с комиссаром своими соображениями и планами:

— Начик кораблей, товарищ Стрельник, в этом районе нет. Ясно, что эти миноносцы — противники, но кто они как уже заметил... Встреча неизбежна, а силы для нас неравные.

— Уходим от врага? — В голосе комиссара послышалась неуверенность.

— Нет, товарищ Стрельник, я знаю, что на корабле находится в распухе на горизонте дымки, старший лейтенант Шестаков делился с комиссаром своими соображениями и планами: — Начик кораблей, товарищ Стрельник, в этом районе нет. Ясно, что эти миноносцы — противники, но кто они как уже заметил... Встреча неизбежна, а силы для нас неравные. — Уходим от врага? — В голосе комиссара послышалась неуверенность. — Нет, товарищ Стрельник, я знаю, что на корабле находится в распухе на горизонте дымки, старший лейтенант Шестаков делился с комиссаром своими соображениями и планами: — Начик кораблей, товарищ Стрельник, в этом районе нет. Ясно, что эти миноносцы — противники, но кто они как уже заметил... Встреча неизбежна, а силы для нас неравные.

— Уходим от врага? — В голосе комиссара послышалась неуверенность.

— Нет, товарищ Стрельник, я знаю, что на корабле находится в распухе на горизонте дымки, старший лейтенант Шестаков делился с комиссаром своими соображениями и планами: — Начик кораблей, товарищ Стрельник, в этом районе нет. Ясно, что эти миноносцы — противники, но кто они как уже заметил... Встреча неизбежна, а силы для нас неравные.

— Уходим от врага? — В голосе комиссара послышалась неуверенность.

— Нет, товарищ Стрельник, я знаю, что на корабле находится в распухе на горизонте дымки, старший лейтенант Шестаков делился с комиссаром своими соображениями и планами: — Начик кораблей, товарищ Стрельник, в этом районе нет. Ясно, что эти миноносцы — противники, но кто они как уже заметил... Встреча неизбежна, а силы для нас неравные.

— Уходим от врага? — В голосе комиссара послышалась неуверенность.

— Нет, товарищ Стрельник, я знаю, что на корабле находится в распухе на горизонте дымки, старший лейтенант Шестаков делился с комиссаром своими соображениями и планами: — Начик кораблей, товарищ Стрельник, в этом районе нет. Ясно, что эти миноносцы — противники, но кто они как уже заметил... Встреча неизбежна, а силы для нас неравные.

— Уходим от врага? — В голосе комиссара послышалась неуверенность.

— Нет, товарищ Стрельник, я знаю, что на корабле находится в распухе на горизонте дымки, старший лейтенант Шестаков делился с комиссаром своими соображениями и планами: — Начик кораблей, товарищ Стрельник, в этом районе нет. Ясно, что эти миноносцы — противники, но кто они как уже заметил... Встреча неизбежна, а силы для нас неравные.

— Уходим от врага? — В голосе комиссара послышалась неуверенность.

— Нет, товарищ Стрельник, я знаю, что на корабле находится в распухе на горизонте дымки, старший лейтенант Шестаков делился с комиссаром своими соображениями и планами: — Начик кораблей, товарищ Стрельник, в этом районе нет. Ясно, что эти миноносцы — противники, но кто они как уже заметил... Встреча неизбежна, а силы для нас неравные.

— Уходим от врага? — В голосе комиссара послышалась неуверенность.

— Нет, товарищ Стрельник, я знаю, что на корабле находится в распухе на горизонте дымки, старший лейтенант Шестаков делился с комиссаром своими соображениями и планами: — Начик кораблей, товарищ Стрельник, в этом районе нет. Ясно, что эти миноносцы — противники, но кто они как уже заметил... Встреча неизбежна, а силы для нас неравные.

— Уходим от врага? — В голосе комиссара послышалась неуверенность.

— Нет, товарищ Стрельник, я знаю, что на корабле находится в распухе на горизонте дымки, старший лейтенант Шестаков делился с комиссаром своими соображениями и планами: — Начик кораблей, товарищ Стрельник, в этом районе нет. Ясно, что эти миноносцы — противники, но кто они как уже заметил... Встреча неизбежна, а силы для нас неравные.

— Уходим от врага? — В голосе комиссара послышалась неуверенность.

— Нет, товарищ Стрельник, я знаю, что на корабле находится в распухе на горизонте дымки, старший лейтенант Шестаков делился с комиссаром своими соображениями и планами: — Начик кораблей, товарищ Стрельник, в этом районе нет. Ясно, что эти миноносцы — противники, но кто они как уже заметил... Встреча неизбежна, а силы для нас неравные.

— Уходим от врага? — В голосе комиссара послышалась неуверенность.

— Нет, товарищ Стрельник, я знаю, что на корабле находится в распухе на горизонте дымки, старший лейтенант Шестаков делился с комиссаром своими соображениями и планами: — Начик кораблей, товарищ Стрельник, в этом районе нет. Ясно, что эти миноносцы — противники, но кто они как уже заметил... Встреча неизбежна, а силы для нас неравные.

— Уходим от врага? — В голосе комиссара послышалась неуверенность.

— Нет, товарищ Стрельник, я знаю, что на корабле находится в распухе на горизонте дымки, старший лейтенант Шестаков делился с комиссаром своими соображениями и планами: — Начик кораблей, товарищ Стрельник, в этом районе нет. Ясно, что эти миноносцы — противники, но кто они как уже заметил... Встреча неизбежна, а силы для нас неравные.

— Уходим от врага? — В голосе комиссара послышалась неуверенность.

Комиссар обходил все боевые посты с неотступной мыслью о недопущении «сесля». Что же следует за этим «сесля»? Подлинная ли против, от «сесля»: «Бли... если...» И вдруг его осенило: в ходе боя люди своим поведением допишут это «сесля».

III

Вражеские миноносцы быстро сблизжились с тралящиком. Уже небо было, что до встречи с противником не удалось уйти под прикрытием своих береговых батарей, и Шестаков думал о том, как лучше и дальше продержаться в предостереженном дозором бою, не уронить честь родного флага.

«Один против трех... Трудно будет!» — пронеслось в мыслях, и он представил людей на боевых постах, выжидавших их качества. Вспомнился комотор Колываев, упрямый, нетерпеливый во всем детина. Это выстоит! И тем больше перебрал командир в своей памяти людей, тем спокойнее становился на душе. Он решительно взялся за ручку телеграфа и одновременно с переводом стрелки прокричал в переговорную трубу сразу возмущавшим голосом:

— Самый полный!

Имя трубой «Туман» образовалась густая чахла дымка, словно тралящик выдохнул полной грудью; палуба задрожала под ногами, в лино ударил холодный ветерок, и тут же до слуха Шестакова донесся знакомый топот.

Это сигнал, что не спухая глаз с корабля противника, вышлогося навелась песню о «Варяге». На открыто, немного суровом лице его не было ни робости, ни страха. Командир взглянул на матросов, стоявших у орудий, — они так же ждали сигнала, пристально наблюдая за приближающимися миноносцами. Вспомнил, как перед выходом в море, уже на траверзе островов Кильдин, после беседы о боевых традициях инициатива отца один из матросов выдался, оживив весь экипаж, точно спрашивая у товарищей согласия на то, что он скажет, и решительно произнес:

— Мы, советские матросы, будем драться до последнего дымкина, пока в груди стучит сердце. Не пожалеет ни крови, ни даже своей жизни ради победы...

Вот все они стоят на своих местах, готовые к сватке. Теперь Шестакову особенно ясно стало, что командовать этими людьми, у которых столько бы, столько же, столько и ответственно. Он хотел что-то сказать комиссару, но в этот миг у борта головного корабля противника вспыхнула светящаяся дымка пламя и отсыпавшийся твердый дождь сигнализации.

Над «Туманом» провисел первый снаряд. Звук выстрела донесся почти одновременно со взрывом снаряда, упавшего неподалеку от борта.

Кормовые орудия тралящика открыли ответный огонь. Командир понимал, что небольшие пушки тралящика вряд ли нанесут серьезный вред миноносцам, но тем не менее, заставит их держаться на расстоянии. Подняв голову, увидел инициативу артиллеристов, Шестаков сосредоточил все свое внимание на маневрировании, на отыскании вражеских кораблей поближе к береговым батареям.

— Стывить дымому завету! — приказал он, и на кормой заблилывали белесая гора, расширяясь все шире и выше.

Миноносцы, потерявшие из виду тралящик, стали бить по дымной завесе. Один снаряд попал в корму, артефакт дымка только образовалась. На мостике дозорный: вышел на стрелку рулевого управления, заглянул кормовую пушку, осколки сразили химиста Полкова и подоснца снарядов Ефрова.

— Перейти на ручное управление рулем,— приказал командир, и лейтенант Бухин вме-

сте с рулевым Семёновым бегом бросились выключить приказание.

Задымив в дыму, они пробралась в румпельное отделение, попытались двинуть с места руль, но его заклинило намертво.

Потеряв управление, «Туман» двинулся по чуть изогнутой линии. Командоры носового орудия в страшном напряжении толкали по веревку уже до отказа пушку и просили командира чуть-чуть развернуть трапсынк, чтобы открыть их орудно сектор обстрела.

— Хоть еще разок пальнуть в их подбоду душу! — кричал командор Колывайко.

Минюсыцы обрушили на трапсынку всю силу своего огня. Шланги, протянутые к корме для тушения пожара, были продрывлены осколками, из них во все стороны была вода, но люди упорно направляли слабеющую струю на оббитую огнем корму. Матросы с ожесточенным изступлением падали. Никто в эти минуты не думал о себе, все боролось за жизнь корабля. «Вот это и есть то самое «есль», — подумал командор, — та минута, когда рождается бессмертный подвиг ради достижения победы».

Слабый ветерок чуть развернул трапсынк, и в ту же секунду загорелось носовое орудие. Командор Колывайко торжествовал: скорострельный огонь его единственного орудия не давал противнику подойти близко к «Туману».

— Бойтесь, гады?.. Нас и эскадрой не возьмем!..

«Туман» все чаще и чаще содрогался от прямых попаданий вражеских снарядов. Уже были пробиты правый борт и каюта командира, повреждена радиоубка, разбит зенитный пулемет, а на мостик все поступали доношения о новых взрывах и новых повреждениях. Старший лейтенант Шестаков уже успевал отдавать распоряжения. Он замечал, с какой яростью и быстротой кидались люди выполнять приказания, и его сердце наполнялось гордостью. Он понимал, что только организованность, дружные действия коллектива, подчиненного своей воле и силе командира, удерживают корабль на плаву.

IV

Еще в первые минуты бой командир «Туман» был раденько не пытался скрыть это от экипажа. Перегнувшись с мостика, палящая слабеющим телом на поручни, он следил за всем, что происходило на верхней палубе. Заметив матросов, зачем-то перебегавших с кормы к носовой пушке, Шестаков набрал полные легкие воздуха и как можно громче крикнул:

— В укрытие!.. Немедленно в укрытие! Он уже не слышал взрывов, в ушах стоял шум выходящего зноя, словно бесконечно великая рана «Тумана».

«Хорошо бы продрокаться так до конца», — мелькнула мысль, и не то где-то прочитанные или родившиеся в эту минуту слова проносились в мозгу, как дуновение раскаленного ветра: «Держаться до последней минуты, до по-

следнего дыхания. Умереть так, чтобы в душу не проник страх, не прогнута трусость, не впитана над мотгой молва позора!.. Умереть за Родину ее верным сыном — это счастье!»

Мысль работала молниеносно. Вся жизнь Шестакова напоминала беспрепятрный подъем вверх. Все в ней удавалось, все было достигнуто. Он шагнул в сторону берега: скалистые очертания уже выровнялись вправо, но почему-то плали, доносили, и ему так захотелось крикнуть туда: «Родные берега и бухты, и не покину борт «Тумана», погибая вместе с ним за вас, за все, о чем мечтаю и не успею свершить...» Но берега почему-то поплыли в сторону. «Что это, конец?» Тревожно оглянувшись по сторонам, Шестаков сообразил, что это ветерок опять начал разворачивать трапсынк и носовое орудие снова прекратило огонь. Колывайко, лишенный возможности говорить с противником языком огня, грозил в сторону миноносцев огромным кулачком.

— В укрытие! — крикнул Шестаков артиллеристам.

— Товарищ командир, — отозвался Колывайко, — погибать так с огнем!

Вывернувшись отдува-то из-за надстройки коммисар затрещал:

— Кто тут погибает?.. В укрытие! Командир приказал: в укрытие!

Стрельник последним вошел в сундук, слышавшую укрытием от осколков. Матросам показалось, будто коммисар с такой силой хлопнул дверью, что задрожала вся надстройка и люди повалились на палубу. Но это разорвался снаряд. Воздушная волна сбита с ног всех, кто находился в сундуке и в котельном отделении. Отдува-то вырвался пар с дохлыми тельми, и сразу в сундуке стало душно и темно.

Коммисар первым вскопал на ноги и побежал в котельное отделение.

— Живы? — крикнул он, ничего не видя в облаке пара.

— Держим пар, товарищ Стрельник! Мозолы!.. Держать до последней возможности! До последней возможности, товарищи!

— Есть держать пар до последней возможности!

Из котельного отделения коммисар направился в машинное.

— Кто тут есть из коммунистов?

Хлопая по шлюзовку в воде, к Стрельнику молниеносно переключившись до неузнаваемости подползли и саевы машинист.

— Селюхи тут нет беспартийных, — сказал он. — Все коммунисты!

— Ломте?

Узнав машиниста, коммисар передал ему и его товарищам приказание командира поддерживать бинные сердца корабля до последнего килограмма пара, стоять на своих постах намертво.

— Есть! — дружно ответили машиниста.

Коммисар постылся вперед. Поднимаясь по лесому трапу на мостик, он заметил, что командир все так же, грузно опираясь о поручни, стоит на правом крыле мостика, на том борту, который приметит удар миноносцев. Только теперь Стрельник почувствовал рану, полученную при взрыве в сундуке. «Пора поговорить о судьбе «Тумана» и людей», — подумал он, направляясь к командиру, но в этот момент труба трапсынки покончилась и с грохотом обрушилась на палубу, разлетелось за пелли осколками, и коммисар, прилонившись к стенке радиорубки, медленно стал сползать на полке. Устал вместе с подрезанными поручнями и командир трапсынки.

Матросы бросались на мостик, но их помощь уже не требовалась: командир и коммисар были мертвы.

V

Командование израненным, горлицм трапсынк принял на себя коммисанец лейтенант Рыбаков.

— Положение у нас тяжелое, — сказал он тем, кто в эту минуту оказался около него. — Но побеждать тут, кто не сдастся!..

С разбитого мостика он окинул взглядом верхнюю палубу: над оббитой пламенем кормой поднимались дым и пар; бортам Сабина, добивший из своих кладовых запасные шланги, пытался сбить пламя, временно все его группы исчезала, ныряя в это тепло, а когда выскрывала, — от людей шел дым, будто они горели; на носу околуп пушки орудовали артиллеристы, посылая в сторону миноносцев снаряд за снарядом... «Туман» жид, «Туман» борется!.. Высочивший из-за надстройки трюмный машинист Быльченко, отряхнувшись от дыма, как от пыли, подбежал к Рыбакову и доложил

о том, что огонь подбирается к глубинным бомбам.

— Бомбы за борт! — приказал Рыбачков. И громадный машинист исчез в дыму. Заключенный на него выскочил вперед. Рыбачков выстрелил в бомбу. Командир отделения матросов Кошечко вместе со своими матросами очинил палубу от ящиков со снарядами, пригоровевшими для кормового орудия.

— Проверь артиллерию! — приказал Рыбачков.

Наводчик Сидоренко кинулся выполнять приказание. Когда он проебегал мимо шумящих, снаряда, задев за винтину, разорвался над его головой. Осколками разило плечо. Рыбачков выстрелил в Сидоренку. Он не мог подняться на ноги. Собрав последние силы, оставшаяся на палубе следы крови, наводчик пополз к артиллерии.

Протирая слезящиеся глаза, встал прокопченный Рыбачков. Ему надоело выслушивать приказания.

— Слушайте все вы, узнайте, как дела в котельном и машинном.

Котельные и машинные отделения были сплошь залиты паром, в воздухе, как пух, плавали хлопья сажи. Заборная вода, просачиваясь через невидимые отверстия, поднималась все выше и выше. Машинисты, бродя по колесу в воде, продолжали выполнять свои обязанности.

Здесь, в низках, шла не менее упорная борьба за жизнь корабля. Командир отделения котельных машинистов старшина 2-й статьи Годунов спустился в угольный bunker, где стояла крановая лебедка через пробитую воду. Погрузившись в нее по шею, старшина попытался силой заслонить отверстие, но устоять не смог. Ему кричали, чтобы он покинул bunker, но за грохотом взрывов он ничего не слышал и к тому же был в коммунге. Продолжая звать, старшина хотел во что бы то ни стало сделать пробочку.

— Здесь оно, — кричал Годунов. Голос его глухо изменился, ничего не слыши, ни от шарады, ни от звуков деки!.. Здесь оно, только полметра от поверхности!..

Воентехник Кошев силой вытаскил Годунова из bunker и прокричал ему в самое ухо:

— Держите парь. Ясно? Держите парь!.. дескать, повяли! Насос, мерно журча, откачивала воду. Но казалось, само море переселяется в трапички. Вода хлопотала, поднималась все выше и выше. Машинисты Ширяев, Хлюстов и Ломтев, связавшие машину насосом, с трудом переместились в коллоидную воду, доходящую уже до пояса. Машина хлопала в воде мотыльком.

Громящий машинист Быльченко вооружился переносным освещением, собирався осмотреть трапички. Он зал в этой пренеселой корабля каждую заветную, но дав во время учений лаяла туда вслепую. Но воентехник Кошев остановил Быльченко и приказал быстро подняться наверх и доложить на командный пункт о положении дел.

— Передайте командую: давление в котле катастрофически падает. Машини задыхаются. Борьба с водой мы уже в силах, но держаться еще можем. Можем!

VI

Быльченко высочая на верхнюю палубу и из какого-то мгновения закрыл глаза за этот промежуток времени, пока он лаял в низках, картина на верхней палубе резко изменилась — все пылало, вокруг трапички поднимались и падали волдыри сажи, машинисты производили бешеный обстрел. В грохоте взрывов ясно выделялся голос воевой шпильки трапички — коммандоский расчет во главе с комсоргом находил комсорга Сидоренку за снарядами. Рыбачков командовал Кошачкиным свой пост. Ненависть ожесточила его, и он действовал так, словно раба удвоила его силы.

— Давай!.. Давай! — хрипел он полнучиную снарядами, но успевавший вытаращить рот с лая. Быльченко подошел к нему, но командира там не нашел. Трапы на мостик были снесены снарядами, поручня порезаны осколками, языки пламени лилали настали. Яздом, скопившись на лебедку, бужало в раздумье слышишь божь.

— Где командир? — спросил Быльченко.

— Бомпа мотать.

— Оголох, что ли?.. Где командир?

Бомпа не шелухался. Быльченко тронул его рукой и только теперь заметил, что Сабани не спохватился, а висит на лебедке.

— Ну, погодите, гад! — в бешенстве закричал Быльченко, хватаясь за крючок за обвес, прыгнув на мостик запасного командного пункта.

Выслушав доклад громящего машиниста, лейтенант Рыбачков спокойно, точно не приказавший, спокойно сказал:

— Идите заводите пластырь.

С прищипкой лодочка матроса принахлывалась заводить концы, но взрыв очередного снаряда подрывал пластырь, порубил осколками иду. Вместе с осколками вместе с увеличенными товарищами бросился в трюм доставать новые пластыри, чтобы закрыть им опасную для жизни корабля пробочку.

Если бы можно было людям в этот момент со стороны взглянуть на себя, то они увидели бы своей несочесности и бесстрашию. Чем труднее становилось положение, тем ожесточеннее сопротивлялись экипажи «Тумана», борясь за жизнь родного корабля. «Туман» выжил, но его десетка вражеских командиров, пробивши язию в его борт, но трапички жид и боролся.

Когда все возможное для спасения корабля было сделано — все, что требовали морские законы, — что было в человеческих силах, — тогда лейтенант Рыбачков вдал команду:

— Покинуть боевые посты! Все, кто может, — на спуск шлюпок!

В машинном отделении уже начали тукнуть лампочки — динамо отдавала последнюю энергию. Кошев приказал Ломтеву открыть предохранительный клапан и захватить с собой вахтенный журнал машинного отделения. Ломтев почти выпав добрался до того места, где хранятся инструменты, взял его и кубы и направился к выходу. Хлюстов остановил динамомашину, и внутри корабля наступил мрак.

Но непокорный «Туман» еще жил, держась на плаву. Ветер медленно, но твердо подвигал корабль к берегу, под защиту батарей.

VII

Нервный бой длился уже час. Механическое приспособление для спуска шлюпок еще в первые минуты бы были разбиты снарядами, а сами шлюпки — перебиты тельниками. Спрыгнув с себя бултых и тельники, матросы кончатили им дыря в шестерке и велботе.

— А пробки!?! У нас же где-то были пробки! — крикнул машинист Ширяев. Премателем встал на темном лебде. Вернулся он с оханкой аварийных пробок, добытых в трюме. Когда шлюпки спустились на воду, все здоровые кинулись подбирать разнесенных — шлюпки предназначались в первую очередь для них.

Такого равнения командир отделения гадень Каравев дежал на палубе, прислонившись к фальшборту.

— Обгони атаку фашистов? — спросил он у полудельных друзей.

Чтобы не причинить еще большую боль, не огорчать умирающего друга, ему ответили:

— Обгони!

— Завит, не жалко и умирать.

Каравев тяжело дышал. Приподняв голову, он слышал на своей стомошене от страдания, глаза и меледно, слово за словом, проносил:

— Вот так... всегда... держаться... до победы. Дайте... напоследок... закурить.

— Вот так... всегда... держаться... до победы. Дайте... напоследок... закурить.

— Что стоете?.. Идите... Делайте свое дело... Санитар Петруша переувязал старшину 2-й статьи Бардава. Тот торопил:

— Ты покаялся, не терять на меня много времени. Может быть, командую или комсорга нужна помощь...

Быльченко не в шлюпку раненого Язидя, Кошев вел, поддерживая за плечи, сигнальщик Левокина.

Миноносцы противника, видя, что трапички прекратили огонь, двинулись на сближение, продолжая обстрел. На «Тумане» уже никто не обращал внимания на взрывы. Матрос Семенов приказал лейтенанту Рыбачкову вылезти из штурманской рубки каюта. Побитые осколками руки не могли охватить плотную бумагу — Семенов наступал на карту ногой, набгаблял, брал ее край зубами и, поднимаясь, разрывал. Но вот старшина сбился флаг с га-

феля, и на трапичке, словно стон, проносился:

— Флаг!.. Флаг!

«Туман» без родного флага! Можно же стерпеть, если проворнее, быстрее сменить старую жизнь, но оставить свой корабль без флага Родины — значит склонить голову перед врагом. Такого позора не было и не будет в жизни советских военных моряков! И над «Туманом» гордо-точно прозвучал приказ:

— Поднять флаг!

Здоровые и раненые кинулись выполнять это святое дело. Ни снаряды, ни сама смерть не могли остановить их. Коммунист Семенов, выскочив из штурманской рубки, бросился к флаг-мачте. Хватая концы зубами, он окровавленными руками стал прикреплять флаг, по осколком очередного снаряда ему раздробило и вторую руку. Находящийся тут же раненый радист Блинов, подхватив флажок, помог ему закрепить флаг и с помощью друзей укрепила его на перебитой мачте.

Взвился на ветру, затрепетал над «Туманом», осеняя лодку, родной флаг. Развеваясь над взривающим кораблем, он как бы говорил противнику:

«Поглябо, но не сдаюсь!»

Море кипело вокруг трапички, стоил грохот взрывов, но вздут в этот момент выделялся голубой флаг, и миноносцы сразу прекратили огонь.

— Наш!.. Наш!.. Наши батаи загорели!

Комендор Колыжайко видел, как перед вражескими миноносцами выросли всплески мощных плашек скривленных. Но темноватые черные силуэты кораблей. Весь окровавленный, он стоял на краешке борта, как на несомрухом бастионе. Не разбирался еще в том, как все это случилось, но видел, что миноносцы противника, трусливо прикрываясь дымовой завесой, уходил. Колыжайко торжествующе кричал морю, людям, всему свету:

— Что, види, подлые душни!.. Не все возьмешь!.. Мы и мертвые стрелять будем!

VIII

Наступали последние минуты жизни корабля. Лейтенант Рыбачков оглядел палубу, поднял глаза на трепещащий флаг, словно прикидывая: все ли сделано так, как полагаются по морским законам. Но, кажется, было сделано все возможное, и тогда набрав полную грудь воздуха, Рыбачков выдохнул:

— Личному отступая — за борт!

Люди медленно покидали корабль, га они проносили на один шаг.

— Всем за борт!.. бистро!.. повтавил уже строже Рыбачков.

И люди кинулись в ступенные волны Баренцева моря, отплывая подальше от борта тонущего корабля.

Ярко светло бредуще по горизонту полярное солнце. Над безбрежными просторами моря стоила перелизванная тишина. И в этой тишине слышалось приближение корабля, чужак, исчезнувший во время боя и теперь выныривший за корой шлюпок.

Люди, покинувшие борт «Тумана», молдо налегали на веса. Перед глазами каждого долго стояло изображение старшего радиста «Тумана»: все израненный, от высочая задрал нос, медленно погружая в морскую пучину. На перебитой мачте до последней минуты трепетал воздушный под огнем флаг Родины.

Взврут с высоты донесся гул моторов. Люди в шлюпках тремито подняли головы и тут же вскопили на огор. Сорвав безоскория, на лентках которых свергло горюе имя «Туман», радость и гордость, поднял в воздух Засклядильных морских бомбардировщик шла в том направлении, куда скрылись миноносцы противника.

Они их изкорот, и вам говорю!.. Комендор Колыжайко жил и еще тогда даст им прикурить!

Кто-то робко начал, все шлюпка подвзвяти, и над морем понеслась рожденная храбрими сердцами песня о славном подвиге:

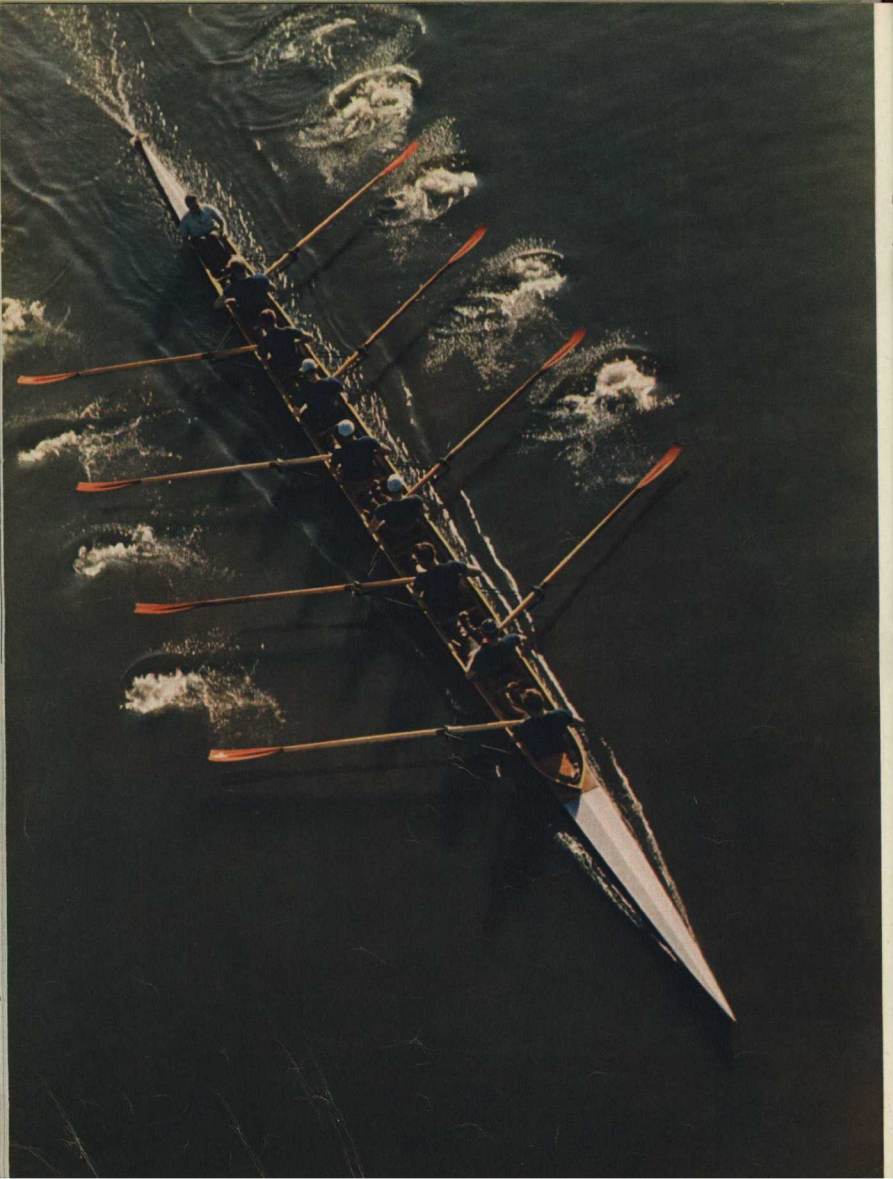
«Врут не сдается ни один «Туман», Поцдыли никто не жделет...»

Так закончился боевой день экипажа трапички «Туман», совершившего беспримерный подвиг во славу родного флота, во имя любимой Родины, ради процветания страны на земле.

На страже морских рубежей нашей Родины стоит верный и испытанный часовой — советский Военно-Морской Флот. Трудом, напряженной боевой учебой наполнена жизнь моряков: матросы и офицеры неустанно совершенствуют свое воинское мастерство. День Военно-Морского Флота они отмечают новыми замечательными успехами в боевой и политической подготовке. На снимке: в часы досуга на одном из кораблей Черноморского флота.

Фото Г. Манарова.

ПОВЕЛИТЕЛИ СКОРОСТИ

В зимние дни на Москве-реке можно было наблюдать любопытную картину: по узкой свободной от ледяного покрова воде двинулся академическая лодка.

— Вот там лодочной! — шутили прохожие, провожая изумленными взглядами круглую лодочку, набирающую скорость.

Многие из наблюдавших это необычное плавание бывали на состязаниях по гребному спорту в краях узким и быстрым течением знаменитую восьмерку «Крыльев Советов» — многократного чемпиона страны, сильнейшую команду Европы, победительницу Косовской регаты в Хельси.

Прогулка на академической лодке по реке зимой была отнюдь не экзотичной выходной для держак спортсмена, не трюком, рассчитанным на внешний эффект. Восемь гребцов «Крыльев Советов» проводила очередную тренировку, готовясь к ответственным летним встречам.

В спорте не может быть тайн. Во время тренировок и соревнований эти команды изучают опыт друг друга, и все лучшее, переданное, найденное ценной неустойчивой посылкой, становится достоянием многих, без промедления принимается «на вооружение».

Академическая гребля — с большой историей и многолетними традициями. Долгие годы в академической гребле господствовали так называемый ортодоксальный стиль. «Гребцы команды — утверждали ортодоксы» — должны давать абсолютно одинаковые движения. Все, как один, и один, как все». В стандартизации движений гребцов приверженцы этого стиля видели истинные основы успеха.

Починую стала гребца команда «Крылья Советов». Тренер командировал технического науки Александр Шведов и гребцы аспиранты московских вузов Евгений Браго, Вячеслав Амирапов, Евгений Самойлов, Вячеслав Мухоморов, Владимир Родионович, инженер-моторист Борис Александрович, студент Института Лесной Гигиены создали свой, советский стиль гребли. В самом деле, почему движения гребца должны быть одинаковыми? Почему тогда агрессивны, когда они естественны — не вынуждены? Почему не использовать все их качества, основанная на использовании их индивидуальных качеств.

Но было творчески достигнуто, что основное в гребном спорте не стандартно полагается гребца, а вынужденно, и гребцы еще сами научиться грести наиболее эффективно, добиваясь максимальных скоростей. Не одну команду вращавшая сил при гребле вывернул каждый из членов восьмерки. Не один из лидеров из них постепенно разочаровался и сменил, как пока было решено, что при гребле следует как можно больше отбрасывать тело от пологого сиденья. Балавадзе, встретившись с еще большей силой отбрасывает воду и спорту нарастает.

Вот уже несколько лет команда «Крылья Советов» не только успешно единороботует со своим многократным соперником, но и ведет спор со взрослыми, в 6 минут 15 секунд, 6.10, 6.09, 6.07, 6.03, 5.58 — так шло улучшение результата на дистанции 2 тысячи метров. На чемпионате Европы 1954 года в Бослоне, близ Аккерсхама, восьмерка, оставшая позади всех конкурентов, показала поистине фантастическое время — 5 минут 52.3 секунды. Такого результата не добивались ни одна команда за всю историю европейских чемпионатов по гребле.

Гребцы «Крыльев Советов» побеждали англичан, голландцев, итальянцев, немцев, французов, датских и других спортсменов. За Англию после знаменитой Хельсинской регаты 1954 года чемпионом восьмерки стал массивный кубок «Челленджер Кал».

Этой кубок — первый приз — учрежден 115 лет назад. Он испещрен названиями команд-победителей. За всю многолетнюю историю кубок только раз победил команда Соединенного королевства: великобританская команда — исландия.

Особенно советских спортсменов радовала победа над знаменитой английской восьмеркой «Ланданович». Дело в том, что команда «Ландановича» — приверженцы ортодоксального стиля гребли, и не случайно западноевропейские газеты писали, что после победы русской команды англичанам, очевидно, придется пересмотреть свое творчество.

Многократные победы не вскружили головы гребцам «Крыльев Советов». Труднолюбно, но честно они продолжают тренироваться, борются за спортивную славу. Многие команды англичанам, очевидно, придется пересмотреть свое творчество.

Многократные победы не вскружили головы гребцам «Крыльев Советов». Труднолюбно, но честно они продолжают тренироваться, борются за спортивную славу. Многие команды англичанам, очевидно, придется пересмотреть свое творчество.

А. ГАЛИЦКИЙ

На вкладки: восьмерка спортивного общества «Крылья Советов» на очередной тренировке.

Фото В. Тюковед.

ОНИ ВСТРЕЯТСЯ СНОВА

Эту фотографию Вахтангу Балавадзе показали еще в Токио вскоре после закрытия чемпионата мира по вольной борьбе. Внимательно всмотревшись в нее, молодой борец глубоко улыбнулся, словно зная не только те минуты, когда ему вручали золотую медаль чемпиона: справа стоит иранец Фардин, слева — японец Канеко; у японца недолгое лицо: он занял только третье место, хотя многие прощали его в чемпионы.

Балавадзе хорошо помнит схватку с Канеко. Накануне советский борец встречался с турком Бюке и, победив его, вышел в полуфинал. Вахтанг отделился теперь от золотой медали чемпиона лишь две схватки. Его противником в полуфинале был японец Канеко, победивший олимпийского чемпиона американца Холда, и иранец Фардин.

Готовясь к схватке с Канеко, Балавадзе медленно наладил его лучшим качеством своих уже победивших противников — силой Бюке, упрямством французца Шезно, вспоминая и соперников по всеюминым чемпионатам. За шесть лет выступлений на ковре ему приходилось встречаться с искуснейшими атлетами страны: ведь он был чемпионом СССР по вольной борьбе и самбо, победителем республиканских состязаний по грузинской борьбе и по классической.

Балавадзе знал, что Канеко — мастер аттики, его броски из стойки бесподобны. Низкорослый, кракшати, Канеко напоминал крепкое, раздвоенное шипр дерево.

Вахтанг же мало похож на атлета — поджарый, с тонкими мышцами. Но на ковре он подлинее, безощинчен, на редкость ловок. А в вольной борьбе, где разрешается действовать ногами, захватывать противника ниже пояса, ловкость и быстрота — это все.

И вот Балавадзе и Канеко на ковре. Как ни был подготовлен советский борец к неожиданным поворотам японца, но на этой минуте упал на ковер. Он успел слезать с ковра, затем, измучившись, поднялся в стойку, но моральный перевес уже принадлежал Канеко.

В зале стало оживление, но рядом прошел шепот. Зрителям, людям, болели за своего соотечественника. Да, он достоин уважения, богатырь Канеко.

Балавадзе быстро переключался по копру, следя за ногами противника. В этом на первый взгляд бесцельном кружении — подготовка атаки, борьба за захват. Вот он занес ногу противника и, отклонившись, бросил японца вперед, но тот парировал бросок. Балавадзе повторил захват — тот же захват, тот же отскок, сейчас последует тот же бросок, от которого только что занеслись Канеко. Но бросок вперед не последовал. В последний момент Вахтанг изменил направление, и противник полетел назад. Одобрительным гулом отозва-

лись зрители на этот прием. Японцы — отменные знатоки вольной борьбы, их трудно удивить и очень легко разочаровать.

Канеко успел сделать комост, и это стало для немедленного поражения. Но спасибо тебе Балавадзе плотно накрыло противника, который пружинил шею, ногами, заредека подставил под лопатки согнутые в локтях руки.

В зале стало совсем тихо, слышно было даже, как шумно дышит Канеко. Ему велело. Он уже больше минуты держит комост, а всего с начала схватки прошло три минуты.

Не ослабляя захвата, Вахтанг сплел вниз, лез на бок. У него ослабели ноги, можно его пустить в ход, нарушить устойчивость животного. Для этого надо зацепить ноги противника. Тщетно пытался японец восстановить равновесие. Еще секунда, и лопатки Канеко будут в трагичной позе. Победил.

И наконец, последнее испытание, встреча с иранским силачом Фардином, который так же, как и Балавадзе, вышел в финал.

Можно много говорить об этом поединке, припомнить, как убегал Фардин, спасаясь от подсечек Балавадзе, как советский борец, стоя посреди ковра, упорно приглашал иранца к себе, как судья-турок, являя переживаний за Фардина, терпеливо продолжая схватку на краю ковра и как тот же судья подлая руку Балавадзе в знак бесспорной победы.

Так прошли две схватки, принесшие советскому борцу звание чемпиона мира. Тогда некоторые японские газеты писали о том, что Балавадзе победил случайно и выиграть первенство должен был Канеко. Этой мысли советский борец снова встретился с японским чемпионом. На этот раз встреча состоялась в Москве, куда приехала сборная команда борцов Японии для товарищеских состязаний с советскими спортсменами...

Счет встречи 2:2. На ковре вылетел Вахтанг Балавадзе и Канеко. Они хорошо знают друг друга. Почти не тратя времени на разведку, борцы завязывают острую схватку. На этот раз борья продолжалась чуть дольше, чем в Токио. Через пять минут Канеко снова оказался на лопатках.

Вахтанг Балавадзе подтвердил, что заслуженно носит звание чемпиона мира по вольной борьбе.

Но дело не только в выигрыше. После схватки они ушли с ковра, обнявшись, как хорошие друзья. Именно в этот главный результат встречи — спортсмены разных стран дружились еще больше. И в Варшаве на Всемирном фестивале молодежи и студентов, где они, возможно, встретятся снова, эта дружба обретет новый смысл, ибо к ней присоединятся десятки молодых спортсменов многих стран мира.

И. БОРИСОВ

Новички получают разряды

Фото А. Моклецов.

Перезаписались в протоколе состязаний! И вот новички вместе с опытными спортсменами выходят на старт первого в своей жизни забега.

Год назад в № 14 нашего журнала в корреспонденции «Новички пришли на стадион» рассказывалось о начинающих спортсменах Московского завода малолитражных автомобилей. Сегодня мы снова заглянем на заводской стадион. Посмотрим, чего достигли в спорте, чему научились недавние новички.

Теперь не назовешь их новичками! Первый же год занятий в спортивных секциях заводского коллектива «Горько» слеза этих юношей и девушек сильными, ловкими, умелыми. Трудные достижения молодые рабочие сочетают с успехами на беговой дорожке, на дистанции всесезонных гонок, на игровой площадке...

В прошлом году комсомолец Анатолий Леткий работал слесарем. Недавно его перевели к станку-автомату. Ему доверили сложную и умную машину. Анатолий гордится ростом своей производственной квалификации, гордится и тем, что растет его спортивное мастерство. Молодой спортсмен поставил перед собой цель — выполнить норматив третьего разряда в беге на 1500 метров. Год назад он об этом и не мечтал. Очень многого ему тогда еще не хватало. Анатолий Леткий не умея правильно распределять свои силы на дистанции, шаг у него был недостаточно длинным и застывшим. Не об-

ладал он той резкостью движений, которая необходима каждому бегуну.

— Все это дело привычное! — говорил Леткому тренер. — Надо лишь упорной овладеть спортивной техникой.

Анатолий тренировался настойчиво. Не ограничивался занятиями на стадионе, он регулярно проделывал подсобные упражнения дома. Во время прошлогоднего отпуска спортсмен поехал в альпинистский лагерь, но и там, в горах Кавказа, продолжал готовить себя к выступлениям на гаревой дорожке.

К осени Леткий бежал уже гораздо лучше. 1500 метров ему удавалось преодолевать за пять минут. Но ведь норма третьего спортивного разряда — 4 минуты 36 секунд.

Зимой юноша ходил на лыжах, бежал на коньках. А когда пришла весна, занятия бегом он дополнил прыжками, метанием диска, спортивными играми.

— Через месяц — другой достигну разрядной нормы в беге

на 1500 метров, — говорит сейчас Толя.

Некоторые из недавних новичков уже преодолели тот рубеж, к которому подходит Алексей. К их числу относится Виктор Шубин, выпускник подшефной школы. Сейчас студент Московского авиационно-технического института.

Виктор, как и Анатолий, увлекся бегом в прошлом году. Тренировки пошел у него хорошо, и уже вскоре он пробежал дистанцию 1500 метров за 4 минуты 35 секунд, выполнив норму третьего разряда. Окрысленный успехом, юноша решил попробовать свои силы и в беге на 800 метров. Эта дистанция давалась ему труднее. Норма третьего разряда в беге на 800 метров — 2 минуты 10 секунд, а лучшие результаты Шубина долгое время были на 3—4 секунды ниже.

Чтобы стать разрядником в беге на 800 метров, молодому спортсмену предстояло серьезно поработать. Трудно, но зато как увлекательно, интересно бороться за каждую долю секунды, поднимать себе временя! Два месяца упорнейших тренировок понадобился Шубину, чтобы научиться пробегать 800 метров на две секунды быстрее. Потом удалось отловить еще секунду, потом еще... На осенних соревнованиях Виктор Шубин закончил дистанцию за 2 минуты 8 секунд. Результат лучше нормы третьего разряда!

Зимой Виктор стал на лыжи. Это полезно, однако как бы не растерять за зимние месяцы навыки, приобретенные только бегунам. Тренер разделял опасения спортсмена и посоветовал ему заняться кроссами.

Раз в неделю Витя бежал кроссы. Кто-то поговаривал над стройным, худощавым юношей, который длинным, упругим шагом бежал по заснеженной мостовой. Но когда наступила весна и Виктор вышел на стадион, оказалось, что молодой спортсмен проходил дистанцию гораздо лучше, чем в прошлом году. Уже в мае 800 метров он преодолевал за 2 минуты 46 секунд. На дистанцию 1500 метров он тра-

тил 4 минуты 28 секунд. В беге на обеих этих дистанциях Виктор близок к выполнению нормы второго спортивного разряда.

Из сорока новичков, вступивших прошлой весной в легкоатлетическую секцию, четырнадцать уже стали разрядниками. На верном пути к спортивному мастерству находятся также и члены других секций. Ощутимых результатов добились, например, заводские велосипедисты.

Нарядица инструментально-го цеха Зина Савина в прошлом году впервые села на гоночную машину. За лето она успела выполнить норму третьего, а затем и второго спортивного разрядов. Давно ли был новичком Виктор Чернышев из ремонтно-механического цеха? Теперь он готовится стать мастером спорта. Велосипедистами — разрядниками стали слесари С. Сизов, столяр С. Тюрин, диспетчер Р. Мешкова и другие.

С волейбольной площадки доносится звуки ударов по мячу, короткие судейские свистки, возбужденные возгласы, смех. У сетки идут тренировки мужских волейбольных команд. Ловко подпрыгнув, три игрока ставят «блэк» илущему на них мячу. Прием выполнен легко и четко. Мяч отбит! А ведь Олег Соинин, Давид Фарберг и Юрий Зайцев в прошлом году тоже были новичками. Они овладели сложными приемами игры, держатся на площадке уверенно. Все трое волейболисты-разрядники.

Спортивные разряды получили многие новички из лыжной, хоккейной, конькобежной, футбольной, стрелковой секций. За прошедшие двенадцать месяцев выполнен разрядные нормы 142 заводских спортсмена. Половина из них только в прошлом году начала заниматься спортом.

Растет спортивное мастерство заводской молодежи. Однако это вовсе не значит, что в работе с начинающими спортсменами все обстоит благополучно. К сожалению, часть юношей и девушек, пришедших в прошлом году на стадион, выбыла из секций. Уже

С тех пор, как Виктор Шубин появился на стадионе, прошел всего год. Но теперь он уже сам показывается новичкам, как правильно брать старт.

в середине прошлого лета перестали ходить на занятия начинающие легкоатлеты Нина Белкина, Александра Прилепина, Нина Комова. Почему? Что им оказалось не по душе? С какими трудностями столкнулись девушки? Этими вопросами в спортивном коллективе никто даже не поинтересовался.

Нередко случается, что девушка или парень увлекается одним видом спорта, а им предлагается заняться другим. Весьма примечательную историю рассказал нам в прессоцеме цеха завода.

— Работает у нас молодой шифровальщик Мухлаев. Парень ловкий, сильный. Возьмет Мухлаев в обидный перерыв какую-нибудь рейку и давай ее с помощью прыгать... И отлично прыгает, высоко! Говорит ему комсомолец: «Ты бы на стадион заглянул, попробовал бы свои силы». Сначала Мухлаев все отнекивался, но

только согласился. Принимать в прошлом году на занятия легкоатлетической секции и говори тренеру: «Вот знаменитый прыгун с шестом!» А тренер только вздохнул да почесал затылок: «Не кувальтивируетесь, ма, у нас прыжки с шестом. И шеста даже нет...» Мухлаеву предложили заняться бегом. Бег же его не интересует. Так он попрощался и прыгает с рейкой возле цеха, а на стадионе не ходит...

Не «кувальтивируются» среди заводских спортсменов и мастера молота, тройной прыжок, барьерный бег. А ведь на заводе найдется немало юношей и девушек, которые интересуются именно эти видами спорта.

Нынешней весной голубые ворота заводского стадиона широко распахнулись для очередного спортивного пополнения. Во всех секциях снова много новичков. Хочется от всего сердца пожелать им успехов.

Е. ВАСИЛЬЕВ

Выстрел! Бегуны рванулись вперед. Спортивный путь новичков начался. Сильным ударом послал мяч на площадку противника Олег Соинин — игрок сборной волейбольной команды завода. А в мае в прошлом году он еще был новичком...

Рисунок И. Купрашина.

ОДИН ИЗ ШЕСТИСОТ

М. БАРБАТО

Прогрессивный итальянский журнал «Лавор» регулярно печатает беспрестанные рассказы простых труженников Италии. В них говорится о тяжелой жизни рабочих и крестьян, о борьбе трудящихся Италии за свои права, против подчинения страны американским империалистам.

В этом номере мы публикуем один из таких рассказов, полученных правильно на манускрипте. Автор его не писатель — это простой рабочий Барбато, житель города Гросето.

Доменико был одним из шестисот безработных своей провинции. Двадцати семи лет он был женат и имел двоих детей почти одинакового роста. Жил в жалкой лачуге; всю его мебель можно было сосчитать по пальцам: два стула, столик, кровать и сундук — вот и все богатство. Кроме того, в стене торчало несколько гвоздей, на которых висели скорострой и кастролли; а в ящике стола лежали три лозина, парало и три металлургические тарелки.

Каждое утро Доменико просыпался на рассвете, словно ему нужно было спешить на работу, но, вспоминая, что он безработный, пытался снова заснуть или по крайней мере хотя бы забыть-ся. Однако сон не приходил, и он нехотя вставал. У него не было не только работы, но и завтрака. Не дожидаясь, когда взойдет солнце, Доменико выходил на улицу; ему до тошноты было слышно хныканье голодных ребятишек.

Чтобы накормить детей, он рвал траву или шел ловить рыбу, но не всегда удавалось найти съедобную траву, а рыба, как неало, куда-то все пропадала. А ведь нужно было что-нибудь есть, чтобы не умереть с голоду.

Тогда он шел просить милостыню...

Он готов был выполнять любую, хотя бы временную, работу; согласен был, впрячься, как осел, возить тележку, лишь бы только иметь работу. Но даже о тележке не приходило думать; ослы были выдвигне хозяевам; содержание их обходилось дешевле, а нагружать на них можно было больше.

Полтора года такой жизни... Нет, Доменико больше не мог так жить, как не могли и остальные пятьсот девяносто девять безработных его провинции, таких же бедных, как и он. При встрече с ними Доменико отсылал глаза: когда он смотрел на них, ему казалось, что он видит себя в исцарапанном зеркале. Даже их жены и дети были похожи друг на друга: кожа и кости да голые же глаза.

Однажды один из безработных упал на площади. Его отвезли в больницу. Дежурный врач заявил: «Ничего страшного, это от истощения». Услышав об этом, Доменико стиснул зубы.

— Это голод. Здесь все подохнет от голода... Но ведь имеет же человек право на жизнь! — проговорил он, оглядывая собравшихся.

Рядом стоявший мужчина добавил:

— Нам нужно объединиться и действовать. Нельзя ждать смерти.

За поселком лежал огромный участок пустовавшей земли, где иногда паслись овцы.

— Если обработать всю ту землю, то можно кое-что собрать, — добавили остальные.

Кто-то спросил:

— Чья это земля?

— Все в один голос ответили: «Говорят, что земля принадлежит какому-то обществу, которого мы и в глаза не видели. Сюда приходит только сотня овец, да и то на несколько месяцев».

— Этой землей пользуется сотня овец — злоречива кто-то из толпы; — а тут шестисот человек умирают с голоду! Неужели у нас меньше права, чем у овец? Кто, разве не правду я говорю!

Эти слова загляли сердца людей. Все шестисот были, как один. Решено было, не откладывая, завтра же отправиться в путь. И все разошлось по домам.

Вечером, пригладя лопату, Доменико пригласил жену и улюбившего меньшого сынишка, который стоял около него. Утром, еще затемно, он был уже готов. Настроение у него было такое же, как в день свадьбы. От волнения даже пропал аппетит.

И вот все шестисот отправилось в путь. Это походило на революционную процессию, только вместо крестов люди несли лопаты. Они даже пели.

Земля, освещенная первыми отблесками зари, ждала их, с умеренным светом она больше не казалась им голой и безжизненной.

Все сразу же принялись за дело. Ручки лопат обжигали ладони, отяжелевшие от работы и ставшие нежными. Вскоре Доменико заметил пузырь у себя на руке. Но разве это имело теперь хоть какой-нибудь значимости?

Доменико сильно повзрослел. Ему казалось, что с каждым ударом лопаты душа его смягчается и наполняется любовью к миру. Все время работ он гонимый рождался заманчивые планы. Вот здесь хорошо бы посеять хлеб. Неплохо было бы посадить виноград, а на том участке — фруктовые деревья: яблони, груши. Но сначала надо было возделывать целину.

За работой никто не услышал шума мотора. Доменико один из первых увидел грузовик с полицейскими. Из грузовика раздался крик:

— Прекратите работу, бездельники! Прекратите, или мы все вас арестуем. Кто разрешил вам придти сюда!

Все шестисот, воткнув в землю лопаты, подняли головы. Глаза людей светились злобой. Доменико еще раз возник в землю лопату.

— Какое вам дело! — крикнул человек в черной шляпе с большими полями.

— Мы голодны. Хотим возделывать эту пустыющую землю, чтобы накормить наших детей и жен, — подытали сосед справа.

— За что они хотят прогнать нас! — возмутился всегда спокойный крестьянин. — Мы ничего не украл. Мы только хотим работать. Здесь пасется сотня животных, а нас шестисот человек!

Доменико вновь принялся за работу. Теперь, когда он своими ручками подернул эту землю, никто не сможет прогнать его с нее. Он видел ее, сверкающую в лучах свежего утреннего солнца, чувствовал ее запах, который казался ему запахом хлеба. Это хлеб вместе с молоком он даст своим детям.

— Путь настигаю его как раз в то время, когда он думал о детях.

Доменико не помнил, как его возвезли в больницу. Когда даве из его товарищей приходили навещать его, они рассказывали обо всем:

— Слушай, Доменико, десять человек болели в тюрьму, но зато теперь у нас есть земля, немного, но есть. Мы посеяем хлеб, виноград, фрукты... столько всего... Слышишь, Доменико! Но болелей не помнил, что ему говорили. До его сознания доходили только отдельные слова: виноградник, хлеб, земля, молоко... Он притирал один глаз.

— Доменико, как ты себя чувствуешь? — спросили товарищи. — Я жив!

— Жив, жив! — Понятно, как снова потерял сознание, он пробормотал:

— Когда придете завтра, принесите мне лопату. Нужно прочно воткнуть ее в землю рядом с ручьем. Дайте немного молока моим детям и хлеба жене... пожалуйста.

Перевод с итальянского Б. ДМИТРИЕВ.

В первые годы Великой Отечественной войны Григорий Окаемов, изменив Родине, перешел на сторону врага. После разгрома гитлеровской Германии Окаемов прибирает к рукам американский разведчик. Он заканчивает школу диверсантов. Спустя несколько лет его забрасывают на территорию СССР. Окаемов приземляется с парашютом в Лесном районе, вблизи большого города В, где находится интересующий иностранную разведку научно-исследовательский институт профессора Вольского.

Воспользовавшись доверчивостью прозаичного мотоциклиста, Окаемов выбегает из Лесного района. По дороге он убивает мотоциклиста и в машине признает в городе В. Там Окаемов приходит в дом своей старой знакомой Адалии Петровны Гурно. Уверив женщину, что он пишет книгу, посвященную ее погибшему сыну, Окаемов поселяется у Гурно.

Окаемов узнает, что профессор Вольский как депутат Верховного Совета регулярно принимает избирателей. Диверсант отправляется к нему под видом бухгалтера промартели. Он намеревается заполнить именной депутатский бланк Вольского, однако допущенная в разговоре с профессором оплошность срывает планы Окаевова. Ему удается лишь выяснить номер машины Вольского. Вскоре Окаевова постигает новая неудача: Адалия Петровна Гурно в разговоре с соседом Горбылевым проговорила, что у нее живет писатель. Горбылев приходит к Окаевову, чтобы рассказать о безобразиях, творившихся в артели, где он работает мастером. Налуганный этим неожиданным посещением, Окаевова решает, что квартира Гурно перестала быть для него надежным убежищем, и ссырывается.

В городе организована усиленная охрана внешних объектов, в том числе и института Вольского. Майор Потолов, руководящий поиском диверсанта, узнает, что на приеме у Вольского был человек, откровенно выдававший бухгалтером промартели. Майору показались подозрительным, что в беседе с профессором этот человек называл депутата по имени и отчеству, а выйдет на улицу, спросил шофера, как отчество Вольского. Потолов решает выяснить, тут ли это человек, за которого он себя выдает. В одной из артелей города Потолову сообщают, что и депутату, возможно, приходил мастер Горбылев.

...Домик мастера Горбылева, соседний с домом Адалии Петровны Гурно, углол в кустах спилен. Потолов еще нашел на нем номерной знак.

— На ощупь отмазка в темных сенях дверь, Потолов постучал. Пауза, а потом мужской голос:

— Входите! Кто там?

Потолов представляется вышедшему навстречу Горбылеву.

— А? Вы насчет фокусников из нашей артели?

— О фокусниках потом, Кирилл Евгеньевич, а сейчас я хотел бы узнать, вы в минувший четверг не были на приеме у депутата Верховного Совета товарища Вольского?

— В четверг? У депутата? — Горбылев недоумо посмотрел на Потолова, на жену, и вдруг лицо его помрачнело. — Значит, он еще и депутат?

— Кто?

— Кто, кто?... Писателя, что живет у соседки — Горбылева через окно показал на соседний двор. — Да, был я, опять же, у него. Был. А он меня выслушал. Тут и все песни.

— Погодите, погодите, меня интересует не писатель, а депутат Верховного Совета профессор Вольский. У него вы были?

— Профессор! — смехнулся Горбылев. — Все они профессоры. Приходит к писателю живой человек, говорит, что его хотят сожечь жулики, а писатель того живого человека гонит в шею. Вот я и есть уже съеденный из артели мастер, значить, убрали. Профессор! Тыду!

— Погодите. Как фамилия этого вашего писателя?

— Горбылев махнул рукой:

— А кто его знает? Опять же, и знать не хочу. Ходит под народ — штаны в сапоги, а народ чурчется. Тоже — профессор!

— Так, так. А у профессора Вольского в совете вы не были?

— Не был. Не удостоился. Так, значить, и вас никак актулы не интересуют? Или раз актулы доверяет директорам, так и еще в актулы глады?

— Не беспокойтесь, Кирилл Евгеньевич. — Потолов вырвал из блокнота листок и записал на нем номер телефона. — Позовите завтра утром по этому телефону, и мы обязательно придем и все, что нужно, сделаем. А сейчас, извините, мне надо ехать...

— Сделают! — недоверливо рассматривая бумажку, спросил Горбылев. — Ну что же, опять же, поспешите уехать.

Потолов вышел на улицу и сел в машину. Шофер завел мотор.

— Погоди-ка, Коля, дай подумать...

Потолов смотрел прямо перед собой, напра-

вая память: какая-то фраза, сказанная Горбылевым во время разговора, чуть шарпнула тогда сознание и тут же проскользнула мимо. Он стал припоминать весь разговор по порядку, и вот фраза вспомнилась: «Ходит под народ — штаны в сапоги».

— Коля, я зайду еще вот в этот дом...

Потолов вылез из машины и пошел к дому Адалии Петровны Гурно, на ходу пригладывая

повод для оправдания своего визита к писателю.

Адалия Петровна развешивала во дворе белье. Увидя подошедшего в калитку Потолова, она решила, что это явился еще один визитер к Окаевову, и решительно вышла ему навстречу.

— Вы к кому? — сердито спросила она.

— Могу я повидать живущего у вас писателя?

— Григория Максимовича?

— Да.

— Вы его знакомый?

— С писателями, можно сказать, знакомы все его читатели. — приветливо улыбнулся Потолов.

— Он уехал, — помолчал, недружелюбно произнесла Адалия Петровна.

— Когда?

— Вчера.

— А куда?

— А для чего вам знать? Уехал, и все. — Адалия Петровна демонстративно вернулась к тазу с бельем.

Но именно это ее нежелание сказать, куда уехал писатель, показало Потолову подозрительным, и он попросил Адалию Петровну прийти в дом.

— Нам нужно поговорить...

Сначала разговор у них не ладился, но постепенно вопросы Потолова и ответы женщины начали прояснять довольно странную историю.

— Итак, его фамилия Окаемов? Григорий Максимович Окаемов? Что-то я такого писателя не знаю...

— Что он писатель, я узнала только теперь,

когда он ко мне приехал. До войны он был инженером-строителем. А сейчас пишет книгу о

моем погибшем в войне сыне.

— Оны были знакомы?

Адалия Петровна рассказала всю историю знакомства их семьи с Окаевовыми и как они, воскреснув, появились вместе в ее втором доме.

— Когда он к вам приехал? — спросила Потолов и замер, ожидая ответа.

— В позарешное воскресенье.

— Утром? Вечером?

— Под вечер.

Так... Исно...

Адалия Петровна еще ничего такком не понимала, но чувствовала: случилось что-то тревожное...

— Не волнуйтесь, Адалия Петровна, — успокаивал ее Потолов, сам довольный тем, что теперь он был почти уверен: здесь жил враг.

— Значит, он уехал вчера?

— Да-да... Сказал: еду на пару дней в Борск повидать однопопчанина. С ним кто-нибудь случился? Или он?

— Успокойтесь. Скажите: когда он жил у вас, он больше бывал дома?

— Да, больше дома сидел. Газеты читал. Писал.

Никаких своих вещей или бумаг он, конечно, не оставил?

— Даже газеты — и те влезл с собой.

— А какие у него были вещи?

— Все, что на нем, и портфель. Большие ничего. Он говорил, что вещи его идут багажом из Ленинграда.

— Исно. Опините мне его внешность?

— Боже мой, ну как это сделать? Я не умею.

— Во что он был одет?

— Господи, дай памяти... Значит, пиджак... темносерый. Брюки в сапоги. Украинская рубашка, такая, с тесемочками на вороте...

— Исно. А какое у него лицо? Глаза? Волосы?

— Ой! — Адалия Петровна всколыхнула, сбегав в соседнюю комнату и вернувшись с пухлым семейным альбомом. — Тут есть его фото. Мой муж и он. Или на курорте фотографировались. Еще до войны... Вот...

Потолов внимательно взглянул в фотографию. Адалия Петровна хотела поспешить, что из фотографии Окаемов, а кто ее муж, но Потолов остановил ее.

— Окаемов вот этот? — превращением от волнения голосом спросил он. Фотография точно подсказала его памяти лицо того человека, которого он встретил на перекрестке...

— Да, это он.

— По сравнению с этой фотографией он изменился сильно?

— Нет. Только седина в волосах появилась...

Потолов справился с волнением и встал.

— Ну, вот и все, Адалия Петровна. Я возьму у вас до завтра эту фотографию. Утром вы и все получите в полной сохранности...

— Пожалуйста, пожалуйста... Но что все таки случилось?

Обдумывая ответ, Потолов пристально смотрел на встревоженную женщину. И он принял решение сказать ей все.

Как это ни будет обидно, Адалия Петровна, это должен знать, что принятии у себя в доме опасного врага. И, конечно, он никак не писатель и не друг вашего сына. Он хитро и подло обманул вас, спекулируя на ваших материальном чувстве. Ему нужен был ваш дом, чтобы на время скрыться. И все...

Адалия Петровна выслушала это с окаянным лицом, ее устремленный на Потолова взгляд выражал недоумение и страдание.

— Что же теперь делать? — растерянно спросила Адалия Петровна, и вдруг глаза ее наполнили слезами. — Но же должен вернуться... — Это, Адалия Петровна, исключено. Сюда он не вернется. Ну, а если вернется, ваш долг, ваша обязанность и види не показать, что вы об этом знаете. А все необходимо черпать примерами. И вообще, прошу вас, никому из слова о том, что я у вас был, и об этом, что вы сегодня узнали.

— Конечно, конечно...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Полковник Астангов проводил совещание с оперативной группой Потапова. Все сидело вокруг большого стола, перед каждым — лист бумаги. Можно было подумать, что эти люди находятся на учебном занятии. Между тем здесь происходил разбор боевой операции, которая еще далеко не закончена. Враг усмьсленно, и где он теперь — неизвестно. Весь смысл совещания сводился к одному: как опередить диверсию и нанести ей максимальный ущерб? Он может совершить свое злодейское дело?

На фотографии, взятой Потаповым у Адалии Петровны, Волкский и его шофер узнали того человека, который приходил на прием. Потапов был уверен, что Океаев — есть тот человек, который обследовал в Черном бору и которого он обвинял в диверсии. И его раздражало, что полковник Астангов до сих пор придерживается, как он выражается, двух версий при возможности их опровержения. И сейчас полковник снова затронул об этом:

— Проанализируем, товарищи, первую из этих версий, давая самую дублююю... Полковник даже не взглянул на Потапова, но все понял, что подочеркнул в своем отчете какую-нибудь абсурдную именно это... По этой версии, сброшенный в Черном бору человек является убийцей тракториста Любченко и жильцом Гурко. Он же был на приеме у Волкского и пытался добыть его имя, бланк, а также документы, удостоверяющие посещение мастера Горбылева, скрывая фамилию его — Океаев.

— Так это и есть, — тихо сказала Потапов. — Возможно, возможно, — миролюбиво согласился Астангов. — Подвергается, возможно, но давайте же подумаем, хотя бы одно доказательство, что сброшенный в Черном бору диверсант и Океаев — это одно и то же лицо?

— А то, что Океаев появился у Гурко в то же воскресенье, когда Океаев был брошен в Черном бору, — ответил Потапов. — Наконец, мотоцикл тракториста, оказавшийся в городе в то же воскресенье!

Слушая Потапова, Астангов согласно кивал головой, а потом сказал:

— А давайте же представим себе такую ситуацию: враги задушили диверсию против института Волкского. Как мы понимаем, этот объект для них крайне важен. Известно, что именно здесь он укрывался. Между тем, товарищи, и вот теперь они решили успех диверсии застраховать всеми возможными способами. Послали, например, не одного исполнителя, а двух — трех. И сброшенный в Черном бору — это один из них. Океаев, который был брошен в один из восточных районов города, не в одно время. Вы можете, Потапов, опровергнуть эту версию?

Потапов усмехнулся.

— С таким же успехом можно предположить, что в город прибыло двадцать исполнителей.

— Это не опровержение, Потапов. Любую мысль можно дискредитировать, доведя ее до абсурда. Двадцать абсурд. А да — три — вариант допустимый.

— Паранюток найдено один, — заметил Гончаров.

— Знаю, товарищ Гончаров. А что если вы второй и третий паранюток не смогли найти, а вы нашли еще и потянутого бочу? Разве такое предположение не имеет оснований?

Гончаров опустил голову и покраснел. Вызванный из этого разбора из Лесного, он уже давно ждал укоризненного безрезультат.

— Нет, товарищи, — продолжал Астангов, — мы попорту не имеем права все сводить к одной гипотезе... Вот вам, например, еще одна версия: сброшенный в Черном бору диверсант в Черном бору действует на предмет себя и

себе, а Океаев — сам по себе, и друг с другом они не связаны. Разве не может быть такой ситуации?

— Это маловероятно, если они выпущены из одной берлоги, — усмехнулся, сказал молодой сотрудник Кудряшев из группы Волкского. — Если сам Океаев — это молодой полковник, что им надо застраховать успех, а это значит, двое или более — все они должны действовать организованно.

По этому же так, согласен. Ну, а если берлоги разные? Разве институт Волкского может беспокоить только одну берлогу? Кроме всего, может быть и так: к нам в город прибыли, скажем, два исполнителя, один из них занимается исследованием Волкского, а другой — предположим, артиллерийским полугоном. Мы обязаны подумать о такой гипотезе...

Астангов очень любил разбор операций, он знал, как они полезны для всех сотрудников. Вся разбор операции, он, конечно, прекрасно понимал, что «потаповская версия» самая важная и больше других определявшаяся самим ходом событий. Однако он неустойчиво предлагал все новые и новые гипотезы, высказываясь в пользу Волкского, а это, как вы знаете, кристаллизуется и отгоняется мысль людей и они начинают строить свои предположения на основании наиболее точных, тщательно отобранных данных. Наконец, выходя из этой операции, Астангов, а это, как вы знаете, полковник Астангов просто не имел права, ибо он отвечал за охрану от возможной диверсии не только института Волкского и был обязан предостеречь любой шаг врага.

Потапов, а само собой, прекрасно понимал сомнения полковника Астангова и версии его не считал совершенно безосновательными. Сейчас его беспокоило другое: накануне полковник сказал ему, что собирается забрать у Волкского все документы для ускорения второй оперативной группы.

Вот с этим он никак не мог согласиться.

Прехватив взгляд полковника, Потапов сказал:

— Так же не может получиться так: мы делаем разработку нескольких версий, распылим силы и упустим то, что уже довольно ясно обочилось? Я имею в виду реального Океаева.

— Я обязан думать о всех версиях, — строго ответил Астангов, — что же касается вашей группы, то, пожалуй, вашей целью следует оставить только Океаева. И брать у вас людей и передумай.

— И так, этот человек — высадка, — уверенно заговорил Потапов. — Отметим известные нам данные по этому этапу. Время высадки мы знаем более или менее точно. Знали и место высадки. Это первый случай такого рода. Второй случай — три дня спустя. Противник, видимо, была одна: в течение воскресенья достигнуть города, в котором находится институт Волкского. Все во имя этого, вышло до уношения высадки мотоцикла. Убежденно сказал Потапов, а это, как вы знаете, так и произошло. Словом, по первой части событий мы можем судить, что враг достаточно опытен, смел и предпринимчив. Чего мы не знаем? Где он оборудовал базу. Но поиски были проведены и в итоге и успехи в городе.

— Океаев в городе. Появление его у Гурко.

— Как вы расцениваете то, что он явился под своей настоящей фамилией? — перебил Потапов полковник.

— Это одно из серьезных ошибок, — ответил Потапов, — ведь речь идет о раскрытии только фамилии, но и внешности.

— Я думаю иначе, — сказал полковник Астангов. — Такой опытный диверсант не мог не пойти к нему под раскладку фамилии.

Вспомните, какую хитрую отсылку к сердцу Гурко придумал он. Абсолютно жешибочный и тонкий ход! И вдруг он не продумал шага с фамилией. Невозможно. Нет, тогда я бы хотел вас убедить в том, что фамилия ради приобретения надежной явки на первое, самое трудное для него время. Все это рассмотрено с начала до конца, и со всех точек зрения яна лучше думать именно так, как вы сейчас думаете. Об этом же Океаеве. Говорите, Потапов. Простите, что перебил.

Потапов помолчал, обдумывая то, что сказал Астангов, и потом продолжал:

— И все же на этом этапе он допустил бесспорные ошибки. Сознание этих ошибок, очевидно, и заставило Океаева столь последовательно исследовать все ошибки связанные с попыткой проникнуть у Волкского блинку. Тут он растерялся, проявил малую находчивости. И этим пошел себе. Заметим, кстати, по поводу бланка: при всей хитрости и опытности Океаева он не мог это так легко и так танной дорожки. И еще было приятно отметить, что ради бланка он пошел на такой рискованный шаг, — значит, арсенал его действий не богат. Вторая его ошибка — тон разговоры мастера Горбылева. Это он так же, как вы знаете, было вынуждено выслушать Горбылева и пообещать ему сорок бочек арстангов. Но, видя, но он был раздражен неудачей, постигшей его у Волкского. Или, может быть, так: как только пришел к нему Горбылев, он сразу же констатировал, что его принят у Гурко раскрыт. Хитрять и тратить время на мастера было не к чему. И в это его выставлял, не получая при этом, что обожженный Горбылев может рассказать Потапову. Это он такими проверке

было вынуждено выслушать Горбылева и пообещать ему сорок бочек арстангов. Но, видя, но он был раздражен неудачей, постигшей его у Волкского. Или, может быть, так: как только пришел к нему Горбылев, он сразу же констатировал, что его принят у Гурко раскрыт. Хитрять и тратить время на мастера было не к чему. И в это его выставлял, не получая при этом, что обожженный Горбылев может рассказать Потапову. Это он такими проверке

было вынуждено выслушать Горбылева и пообещать ему сорок бочек арстангов. Но, видя, но он был раздражен неудачей, постигшей его у Волкского. Или, может быть, так: как только пришел к нему Горбылев, он сразу же констатировал, что его принят у Гурко раскрыт. Хитрять и тратить время на мастера было не к чему. И в это его выставлял, не получая при этом, что обожженный Горбылев может рассказать Потапову. Это он такими проверке

было вынуждено выслушать Горбылева и пообещать ему сорок бочек арстангов. Но, видя, но он был раздражен неудачей, постигшей его у Волкского. Или, может быть, так: как только пришел к нему Горбылев, он сразу же констатировал, что его принят у Гурко раскрыт. Хитрять и тратить время на мастера было не к чему. И в это его выставлял, не получая при этом, что обожженный Горбылев может рассказать Потапову. Это он такими проверке

было вынуждено выслушать Горбылева и пообещать ему сорок бочек арстангов. Но, видя, но он был раздражен неудачей, постигшей его у Волкского. Или, может быть, так: как только пришел к нему Горбылев, он сразу же констатировал, что его принят у Гурко раскрыт. Хитрять и тратить время на мастера было не к чему. И в это его выставлял, не получая при этом, что обожженный Горбылев может рассказать Потапову. Это он такими проверке

было вынуждено выслушать Горбылева и пообещать ему сорок бочек арстангов. Но, видя, но он был раздражен неудачей, постигшей его у Волкского. Или, может быть, так: как только пришел к нему Горбылев, он сразу же констатировал, что его принят у Гурко раскрыт. Хитрять и тратить время на мастера было не к чему. И в это его выставлял, не получая при этом, что обожженный Горбылев может рассказать Потапову. Это он такими проверке

было вынуждено выслушать Горбылева и пообещать ему сорок бочек арстангов. Но, видя, но он был раздражен неудачей, постигшей его у Волкского. Или, может быть, так: как только пришел к нему Горбылев, он сразу же констатировал, что его принят у Гурко раскрыт. Хитрять и тратить время на мастера было не к чему. И в это его выставлял, не получая при этом, что обожженный Горбылев может рассказать Потапову. Это он такими проверке

было вынуждено выслушать Горбылева и пообещать ему сорок бочек арстангов. Но, видя, но он был раздражен неудачей, постигшей его у Волкского. Или, может быть, так: как только пришел к нему Горбылев, он сразу же констатировал, что его принят у Гурко раскрыт. Хитрять и тратить время на мастера было не к чему. И в это его выставлял, не получая при этом, что обожженный Горбылев может рассказать Потапову. Это он такими проверке

было вынуждено выслушать Горбылева и пообещать ему сорок бочек арстангов. Но, видя, но он был раздражен неудачей, постигшей его у Волкского. Или, может быть, так: как только пришел к нему Горбылев, он сразу же констатировал, что его принят у Гурко раскрыт. Хитрять и тратить время на мастера было не к чему. И в это его выставлял, не получая при этом, что обожженный Горбылев может рассказать Потапову. Это он такими проверке

было вынуждено выслушать Горбылева и пообещать ему сорок бочек арстангов. Но, видя, но он был раздражен неудачей, постигшей его у Волкского. Или, может быть, так: как только пришел к нему Горбылев, он сразу же констатировал, что его принят у Гурко раскрыт. Хитрять и тратить время на мастера было не к чему. И в это его выставлял, не получая при этом, что обожженный Горбылев может рассказать Потапову. Это он такими проверке

было вынуждено выслушать Горбылева и пообещать ему сорок бочек арстангов. Но, видя, но он был раздражен неудачей, постигшей его у Волкского. Или, может быть, так: как только пришел к нему Горбылев, он сразу же констатировал, что его принят у Гурко раскрыт. Хитрять и тратить время на мастера было не к чему. И в это его выставлял, не получая при этом, что обожженный Горбылев может рассказать Потапову. Это он такими проверке

было вынуждено выслушать Горбылева и пообещать ему сорок бочек арстангов. Но, видя, но он был раздражен неудачей, постигшей его у Волкского. Или, может быть, так: как только пришел к нему Горбылев, он сразу же констатировал, что его принят у Гурко раскрыт. Хитрять и тратить время на мастера было не к чему. И в это его выставлял, не получая при этом, что обожженный Горбылев может рассказать Потапову. Это он такими проверке

было вынуждено выслушать Горбылева и пообещать ему сорок бочек арстангов. Но, видя, но он был раздражен неудачей, постигшей его у Волкского. Или, может быть, так: как только пришел к нему Горбылев, он сразу же констатировал, что его принят у Гурко раскрыт. Хитрять и тратить время на мастера было не к чему. И в это его выставлял, не получая при этом, что обожженный Горбылев может рассказать Потапову. Это он такими проверке

было вынуждено выслушать Горбылева и пообещать ему сорок бочек арстангов. Но, видя, но он был раздражен неудачей, постигшей его у Волкского. Или, может быть, так: как только пришел к нему Горбылев, он сразу же констатировал, что его принят у Гурко раскрыт. Хитрять и тратить время на мастера было не к чему. И в это его выставлял, не получая при этом, что обожженный Горбылев может рассказать Потапову. Это он такими проверке

было вынуждено выслушать Горбылева и пообещать ему сорок бочек арстангов. Но, видя, но он был раздражен неудачей, постигшей его у Волкского. Или, может быть, так: как только пришел к нему Горбылев, он сразу же констатировал, что его принят у Гурко раскрыт. Хитрять и тратить время на мастера было не к чему. И в это его выставлял, не получая при этом, что обожженный Горбылев может рассказать Потапову. Это он такими проверке

было вынуждено выслушать Горбылева и пообещать ему сорок бочек арстангов. Но, видя, но он был раздражен неудачей, постигшей его у Волкского. Или, может быть, так: как только пришел к нему Горбылев, он сразу же констатировал, что его принят у Гурко раскрыт. Хитрять и тратить время на мастера было не к чему. И в это его выставлял, не получая при этом, что обожженный Горбылев может рассказать Потапову. Это он такими проверке

было вынуждено выслушать Горбылева и пообещать ему сорок бочек арстангов. Но, видя, но он был раздражен неудачей, постигшей его у Волкского. Или, может быть, так: как только пришел к нему Горбылев, он сразу же констатировал, что его принят у Гурко раскрыт. Хитрять и тратить время на мастера было не к чему. И в это его выставлял, не получая при этом, что обожженный Горбылев может рассказать Потапову. Это он такими проверке

было вынуждено выслушать Горбылева и пообещать ему сорок бочек арстангов. Но, видя, но он был раздражен неудачей, постигшей его у Волкского. Или, может быть, так: как только пришел к нему Горбылев, он сразу же констатировал, что его принят у Гурко раскрыт. Хитрять и тратить время на мастера было не к чему. И в это его выставлял, не получая при этом, что обожженный Горбылев может рассказать Потапову. Это он такими проверке

бессерно, и это следовало подчеркнуть в плане операции. Мы же помним, что у Оксимова с собой был только порох и бомбы. Это значило, что без бомб он обойтись не может.

— Снимем наблюдение и за институтом? — встревожено спросил Потапов.

— Эти дни за институтом посмотрит группа капитана Орава. Астанав, усмехнулся: — Наполею, вас это не обман? Товарищ Гончаров, карта Черного бора у вас с собой?

— Всегда.

— Тогда сделаем так: рос, кроме Потапова и Гончарова, свободны. Чье из сборов?

Когда сотрудники оперуры вышли, Астанав взял у Гончарова карту и расстелил ее на столе:

— Давайте проумаем, как перекрыть все подходы к Черному бору..

2

Оксемов, считая, что из тревожной ситуации он вышел во-время, действовал довольно смело. Несколько дней после ухода от Гурко он прожил в дачной местности, почти под открытым небом, затем вернулся в город, купил на вокзале билет до следующей станции, после Лесной, и сел в поезд, думая, что безопасней всего добраться до Черного бора именно поездом, где всегда много народу. Ему сразу же повезло: он оказался в вагоне, в котором ехали бригада эстрадных артистов. Оксемов мгновенно сообразил, что эта веселая компания может ему пригодиться, и уселся среди артистов. В два счета он переключился со всей бригадой, пополнив своим изрядным восторгом по поводу того, что он первый раз в жизни разговаривает с настоящими артистами. И еще одна удача: выяснилось, что артисты едут с концертом на станцию Лесная. Потапов астрадкая дама, жена которой пришла явно на заре нашего века, заволта галас под лоб, посылла Оксему, что она — иллюзионный номер.

— Что это значит? — с детской заинтересованностью спросил Оксемов.

— Я могу сделать все, что захочу, — игриво ответила дама.

— Как же это так?

— Аппаратура! — таинственно произнесла дама и показала на задвижку под лавку обмешатый чемодан.

— Пригодится эта аппаратура и миль, — заметил про себя Оксемов и заговорил о чем-то с руководителем бригады.

Рядом с железной дорогой степь росе. Поезд то и дело обгонял разрушенные лентачи поковки и грузовики с празнично одетыми людьми. В окрестных деревнях отмечались какой-то праздник. Оксемов и на это рассчитывал: чем больше народу на дорогах и тропках, тем легче ему будет прятаться.

Поезд подходил к станции Лесная. Артисты с чемоданами спотыкнулись у выхода. Среди них был и Оксемов. Он держал в руках тяжеленный чемодан иллюзиониста.

На перроне артистов встретил заведующий клубом и повел их, минуя вокзал, а посылка.

3

Кроме артистов, на станции Лесная никто не сидел. Гончаров подождал, пока отправятся поезда, и на машине поехал к Потапову, с которым они условились встретиться на опушке Черного бора, около дома лесника.

— Какое настроение? — сразу спросил Потапов.

— Ничего особенного. Концерт приехал.

— Что еще за концерт?

— Бригада эстрадных. Сегодня в Лесном концерт.

— Понимаешь, Павел, — Потапов положил руку на плечо Гончарова, — мне вымешные сутки кажутся самыми ответственными. Завтра, когда в бору снова будет действовать твоя полевая группа, им будет полетать.

— А я как назло поиную группу послал именно в этот день, — огорченно сказал Гончаров.

— Отставь. Люди должны были ополукать! — Потапов вынул из кармана карту Черного бора. — А здесь подходы к Черному бору? — Он показал на зеленый мыс лесного массива с восточной стороны бора.

— Я уже говорил: тут почти непроходимые болота. Местные охотники — и те обходят это место. А дальше начинаются разработки лесаозада, где есть люди, которые мной предупреждены. Ты что, не веришь мне, кто ли?

Потапов посмотрел на друга:

— Эра нервишится. Павел.

— Снохобным мне быть не с чего.

Я же знаю, что думает Астанав о моем поведении: доверил, мол, шляпе откровенное дело.

Потаповым отлично понимал всю трудность поиска в таком лесу. Оставим это, Павел. Меня волнует другое. Мы расставим посты вокруг бора и будем считать, что подходы к нему перекрыты. А ведь от поста до поста пролеты все какие большие. Тот, кого мы ищем, не дурак, он может шапнуть наши посты и пройти между ними.

А что, если посты все время будут находиться в движении? — предположил Гончаров.

— Я уже думал об этом. Есть серьезное дело. Тогда Оксему легче будет обнаружить их. Прислушается, отметит проход поста, выйдет и войдет в лес.

— Я лично все время буду в движении.

— Кстати, о твоем участке. Все данные говорят, что после выселки Оксемов выходил из Черного бора в направлении на поселок Лесное. Мотивы были жители поселка видели. Утром он выезжал в поселок и был один. Нужно учесть, что Оксему забываются в этом лесу так же легко, как и нам. В общем, если он направится к базе, то сделай все, чтобы пойти тем же путем, каким он один раз уже прошел. Поэтому я думаю, что поселок и станция — самая ответственная зона. Смугри, Павел, в оба. Я поставил сюда тебя, потому что на тебе полагаюсь, как на самого себя.

Гончаров благодарно посмотрел на друга.

Несколько минут они посидели молча. Потом Потапов встал.

— Пора, Павел. Желаю успеха.

Концерт начался в девять часов. Завлукбом провел Гончарова в зал, и они стали у дверей. Выступала певица. Она пела о свидании с любимым, о луле, о звездах. Гончаров сейчас просто не мог это слушать.

Историк среди них нет? — разражало спросил он у завлукбом.

— Где? — не понял завлукбом.

— Среди артистов.

— А? — завлукбом засмеялся. — Как будто нет! Я их уже не первый раз приглашал..

— Дождавшись певца, Гончаров вышел из зала.

Поселок был погружен в тишину и глузую темень. Держась поближе к домам, Гончаров пошел на станцию. Дежуривший там сотрудник внезапно возник перед Гончаровым из темноты.

— Пост четырнадцать на месте, — тихо сказал он и пошел рядом с Гончаровым. Все спокойно. Только парочка влюбленных проследовала.

— Влюбленные? — подозрительно спросил Гончаров.

— Точно, товарищ старший лейтенант. Парень с семидеятью и девушка..

— Куда они пошли?

— Вон туда, за дождичку.

Гончаров решил проверить. За дождичкой тропинка пересекала канаву и поднималась на небольшой холм, где чернела большая сосна. Оттуда слышался голос.

Парень и девушка стояли, прильнув к стволу дерева. Гончаров притаялся в нескольких шагах от них.

— Ты не забудешь меня? — спросила девушка. — Тебе так на сердце, скучно, наверно, не будет. Держу тебя много помысла..

— Нада, не надо т-так говорить, — чуть заикаясь, сказал паренек. — Ты лучше скажи: прidetь?

— Я-то приеду. Голосками слан — в до-
рогу.

— А как м-мал? Вдур не дустит?

— Она уже перекипела. Сегодня говорит: примерь-ка мой валец, там, небось, мимой стужа люта.

Гончаров бесшумно спустился с холма и пошел дальше вдоль железной дороги, постепенно углубляясь в прилегавший к лесу кустарник.

4

Оксемов гадывался, конечно, что Черный бор еще находится под наблюдением. Но еще больше его страшило то, что тайник, возможно, обнаружен, ликвидирован и что там оставлена засада. Он подобрался к лесу с максимальной осторожностью: прежде чем перешагнуть через железнодорожный путь, около часа пролежал за насыпью. Достигнув подосы кустарника, он продолжал ползти и оставался на ногах только тогда, когда до леса оставался не больше пяти шагов.

Темный, ровно гулдящий бор обступил Оксему со всех сторон. Он поминутно оглядывался и слушал, но постепенно привык к лесной тишине и шел все увереннее и быстрее. Шел тем же маршрутом, каким тогда, после прирета жем маршутком, вылезал из леса, когда землянина, выбравшись на лесу к железной дороге. Вот до краев наполненная водой канавка, через которую он перепрыгнул, вот сломанная бурей сосна, вот ручеек, нагнувшийся возле громадного замятого кляма. Все близже было заветное место возле трехствольной ели.

(Продолжение следует.)

Хорошее начало

Н. КРЮЧОВ,
народный артист СССР, лауреат
Сталинской премии

Эллу Леждей — исполнительницу роли Варвары Лопатиной в кинокартинке «Море студеное» — я увидел впервые весной прошлого года в съёмочном павильоне.

— Кто такая? — спросил я у режиссера, постановщика фильма Юрия Павловича Егорова.

— Студентка театрального училища имени Щепкина.

— Юное лицо девушки привлекало вдумчивостью и красотой.

...Перед началом съёмки Эллу заметно волновалась. Ещё бы, первый дебют в кино! Неприятная обстановка, ослепительный свет, испытующие взгляды опытных актёров... Глядя на девушку, переживающую эти незабываемые для каждого артиста минуты, начал волноваться и я.

Образ героини фильма Варвары Лопатиной, известный мне по сценарию и трактовке режиссера, был далеко не из легких для актёрского решения. Справится ли со своей ролью неопытная дебютантка! Помню, мне очень захотелось, чтобы она справилась.

Начался съёмка. И перед нами предстала юная Варвара, пока еще только покоряющая своей юностью и внутренней чистотой. Именно такая, какой она и должна быть в начале роли.

Развитие образа Варвары у Эллы Леждей шло не всегда безукоризненно. В некоторых местах ей не хватало убедительности, иногда она стучала краской, а в сложных психологических сценах не доставало жизненного и актёрского опыта. Но все это преодолевалось несомненной одаренностью и любовью к труду. Особенно радовало нас, что начинающая актриса стремилась додумывать и дополнять сценарный образ существующими деталями.

Элла Леждей приехала на

съёмки всегда подготовленной, хорошо зная текст роли. Чувствовалось, что она много работает самостоятельно. Во время сцен, в которых девушка не была занята, она внимательно прислушивалась к игре опытных артистов, советовалась с ними и, не стесняясь, просила помочь. Весь съёмочный коллектив, увидевший, что в его среде пришла талантливая, серьезно стремящаяся овладеть сценическим искусством актриса, с удовольствием помогал ей.

Чем глубже и старательнее входила в роль юная исполнительница, тем проникновеннее становилась ее игра. В одной из самых драматических сцен фильма, где Варвара просит Аммоса Корнилова отправиться в море, на рознь с ее жёнкой Степаном и всей поморской артеи, Эллу Леждей проявляет недюжинные способности. Аммос потрясен ее решением выйти замуж за ненавистного куца Окладникова, пожертвовать своей любовью ради спасения жизни любимого человека.

— А жить-то, жить-то как будешь?

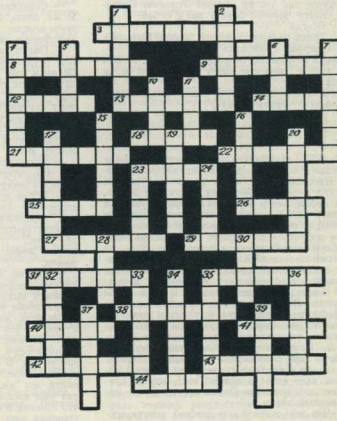
— Не жить мне тогда, вот и всё скаж...

В этом диалоге с Аммосом настоящею волнует искренность душевных переживаний Варвары. Роль, сыгранная дебютанткой Леждей, раскрывшей в образе Варвары Лопатиной силу характера и духовное благородство простой русской девушки — одна из главных удач фильма «Море студеное».

Радуясь удачному дебюту Эллы Леждей, я, артист с многолетним стажем, хочу сказать своему юному соотечественнику киноискусству наступившее слово:

— Вы хорошо, а главное, серьезно начали свой творческий путь, Эллу! Не только ваше дарование и хорошая внешность, но и трудолюбие, так необходимая в искусстве, явилось залогом успеха. Помните это всегда и заволакивайте дальнейшие успехи таким же настойчивым трудом.

Составил С. Егоров

По горизонтали:

- Общественное празднество.
- Состав исполнителей.
- Соревнование команд в беге.
- Успех.
- Благочестие.
- Товарищеский, общинальный повар.
- Студенческое спортивное общество в СССР.
- Исполнитель, спевщик, псаломщик, поповод.
- Учитель, наставник, учебно-методический работник.
- Город, в котором проходил I Международный фестиваль демократической молодежи и студентов.
- Словесно-музыкальное произведение.
- Цветок.
- Сложный коллектив.
- Соревнование для спортивных состязаний.
- Антроп музеев «Гимна демократической молодежи мира».
- Публичное исполнение музыкальных и других произведений.
- Президент Всемирной федерации демократической молодежи.
- Великий французский писатель эпохи Возрождения.
- Способ плавания.
- Город, где будет проходить 3-й фестиваль молодежи.
- Соревнование для публички на стадионе.
- Принадлежность для варшавца.

По вертикали:

- Город, в котором проходил 3-й Всемирный фестиваль демократической молодежи.
- Народный танец.
- Польский национальный танец.
- Спортивное состязание.
- Сокращенное название Всемирной молодежной организации.
- Человек, удостоенный высокой премии.
- Различные виды одобрения и приветствия.
- Популярная спортивная игра.
- Проведение искусства, исполненное в фантастическом, комическом стиле.
- Ремонтер СССР по плаванию.
- Побориться в соревнованиях на первенство.
- Торжественный смотр.
- Силы.
- Архитектурное сооружение.
- Свернуть Всемирной федерации демократической молодежи.
- Удовольствие, радость.
- Демократическая республика в Азии.
- Вид соревнования.
- Торжественная хоральная песня.
- Негитристый пещер, борей на миль.
- Спортивная принадлежность для игры в хоккей.
- Один из видов водного спорта.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. НАПЕЧАТАННЫМ В № 12

По горизонтали:

- Клос.
- Турт.
- Валлеа.
- Вюнда.
- Веллет.
- Владимир.
- Антонисова.
- Пони.
- Зоня.
- Тимур.
- Ровно.
- Кара.
- Колцов.
- Крит.
- Генерал.
- Вентиль.
- Соты.
31. Аммос.

По вертикали:

- Бонт.
- Крив.
- Аленеводов.
- Пастышка.
- Диагност.
- Анвол.
- Атмосфера.
- Огни.
- Анголмай.
- Линанов.
- Марс.
24. Грибков.
- Сера.
27. Огит.
28. Контант.
- Хрестоматия.
- Лето.
33. Илья.

На первой странице обложки: рисунок художника И. Гринштейна «за мир и дружбу».

На четвертой странице обложки: плакат, выпущенный Международным подготовительным комитетом к V Всемирному фестивалю молодежи и студентов.

Кадр из фильма «Море студеное». В роли Варвары — Эллу Леждей.

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление номера В. Максина.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-3-94-24. А 03728.

Изд. № 694.

Заказ 1812.

Подписано и печатано 11/IV 1955 г. Тираж 250 000 экз.

Формат бумаги 70 x 108/16.

1,75 бум. л. — 4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Редакция: Г. Гуля, Е. Долгосовский, Б. Егоров, Н. Жуков, В. Кулеми, М. Лукински.

Технический редактор О. Шова.

СКУЛЬПТУРЫ МАТРОСА МИХАИЛА КУЗОВЛЕВА

Матрос прыгнул к ванне, тронул пальцами лады — и зазвенела, пошла гулять раздольная русская песня... Слово раздвинулись стены кубрика и глазам открылась неоглядная степь с уносящейся вдаль тропой.

Командор Михаил Кузовлев посмотрел на своих товарищей: как преобразила песня их суровые, обветренные лица! Именно в эту минуту у него и возникла мысль придать лицу героя-потеминца, которого он лепил, такое выражение, какое он только что видел на лицах матросов, слушающих песню — одухотворенное, мечтательное и в то же время полное решимости, воли.

Старался не шуметь, на носках вышел из кубрика командор. Придя в помещение, где стояла почти уже законченная скульптура, он принялся за работу. Легко взметнулась вверх крылатая бровь, шире раскрылись глаза — и сиял легендарный, морок-черноморец.

А из кубрика все лилась песня. И, казалось, усатый потеминец, затане дышанье, слушает, как поют матросы, — таким вдохновенным было созрело его лицо.

Однанды в гости к каспийцам приехал участник русско-японской войны Михаил Алесеевич Обухов. Ему, ветерану русского флота, довалось сплунить в Порт-Артуре и видеть там адмирала Степана Осиповича Макарова. Много интересного, волнующего сохранилось в памяти бывшего матроса об этом замечательном человеке.

На Кузовлева рассказ Михаила Алесеевича произвел глубокое впечатление. Образ адмирала так и стоял перед его глазами. Какие только картины не рисовало пыльное воображение молодого художника... Бушует море. На борту флаганского корабля стоит коренастый человек с развевающимся на ветру русой бородой. Сильно бесстрашн и отваги в его ясных глазах, устремленных в морскую даль.

Адмирал Макаров... Как передать резцом скульптора этот обаятельный образ? Хватит ли умения, таланта?

Весь свой досуг Кузовлев посвящал целиком захватившей его работе. Немало порыхов минут пришлось ему пережить прежде, чем кропотливые творческие искания увенчались успехом. Внимательно прислушивался он и советам и замечаниям ветерана флота Обухова, без устали трудился над каждой черточкой дорогого лица. И тогда, наконец, скульптура была готова, все в один голос признали ее удачной.

Кузовлев гордится тем, что созданный им портрет адмирала С. О. Макарова номандование Краснознаменной Каспийской флотилии предопределило балтийцам в день 250-летия Иронштадтской крепости.

Более двадцати скульптур выдающихся русских фотодивов и от-ванских советских моряков создал Михаил Кузовлев. Особенно удались ему портреты адмиралов Ф. Ф. Ушакова и С. О. Макарова, Героя Советского Союза М. В. Грешнилова, контр-адмирала А. В. Кузьмина.

Впервые он попробовал свои силы в скульптуре, когда только начал свою службу в Краснознаменной Каспийской флотилии. — Многообразная, полная ярких красок жизнь флота, — рассказывает Михаил Кузовлев, — расширила мое воображение. У меня появилось неудержимое желание запечатлеть в рисунках и особенно в скульптуре сильных, жизнерадостных, смелых людей, среди которых я служил. Первой мной, деревянским гарнем, открылся новый, интересный мир, полный невыразимой красоты и романтики.

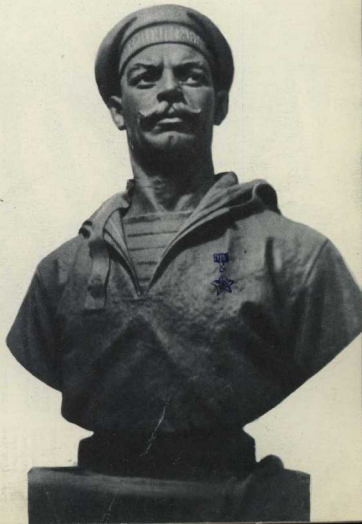
Ознакомившись с историей флотилии, молодой матрос выполнил скульптурные портреты ее организаторов — комиссаров Маринина, По-лухина, Ульянчева.

Комсомолец Михаил Кузовлев занимается лепкой, как правило, только в свободное от службы время. Примерный матрос в совершенстве овладев специальностью командора. За отличную службу и успехи в учебе он получил от командования флотилии несколько благодарностей и ценных подарков.

Б. ЗОРИН

На снимках: скульптурные портреты, выполненные М. Кузовлевым. Вверху — адмирал С. О. Макаров, внизу (слева направо) — матрос-подводник адмирал Ф. Ф. Ушаков и портрет потеминца.

Цена номера
2 руб.

V. festival

**MONDIAL DE LA JEUNESSE ET DES ETUDIANTS
POUR LA PAIX ET L'AMITIE**
VARSOVIE 31 JUILLET 14 AOUT 1955